

ҒТАХР 03.20.00

**ЕКІНШІ ДҮНИЕЖҮЗІЛІК СОҒЫСТЫҢ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ
ТҮТҚЫНДАРЫ: АҚТАУ ПРОБЛЕМАЛАРЫ, Г.К. КӨКЕБАЕВА, Б.А.
ЖАПАРОВ, Е.Б.БЯТОВ, Н.Т. АСИЛОВ**

**Г.К. Көкебаева, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, тарих
ғылымдарының докторы, профессор, Қазақстан, Алматы қ.**

**Е.Б. Бятов, Қазақстан Республикасы Қарулы Күштері Құрлық әскерлері
Бас қолбасшысының орынбасары, Қазақстан Республикасы Қарулы
Күштерінің полковнигі.**

**Н.Т. Асыллов, PhD докторы, доцент, Қазақстан Республикасы Қарулы
Күштерінің полковнигі, Ұлттық қорғаныс университеті Бас штабы
академиясының профессоры**

***Автор-корреспондент**

e-mail: kokebayeva@gmail.com

Аннотация. Авторлар кеңестік кезеңде мемлекеттік деңгейдегі маңызды құпия болған Екінші дүниежүзілік соғыс тұтқындарының тарихын зерттеген.

Ғалымдар мен сарапшылардың соғыс тұтқындарына қатысты жүргізілген қуғын-сүргіннің себептері мен зардаптарын анықтауға бағытталған әрекеттерін тоталитарлық партиялық-мемлекеттік жүйе үнемі қатаң түрде тойтарып тастап отырды, 1991 жылға дейін соғыс тұтқындарына қатысты архивтік құжаттарды жариялауға тиым салынды. Екінші дүниежүзілік соғыс, соның ішінде қазақстандық соғыс тұтқындары тарихының архивтік құжаттарының қол жетімділігіне қойылған шектеулерді жоюға бағытталған алғашқы әрекеттер 1980 жылдардың аяғында Қазақстан Коммунистік партиясы Орталық Комитетінің жанындағы Партия тарихы институтында жасалды. Алайда ол кезде жүргізілген жұмыс соғыс тұтқындары туралы толық түсінік беретін деңгейде бола алмайтын еді.

Қазақстан тәуелсіздігін алғаннан кейін ғана Мемлекеттік комиссия еліміздің архивтеріндегі құжаттардың таұқырыптық кешендерін құпиясыздандырды.

Кілт сөздер: Екінші дүниежүзілік соғыстың қазақстандық тұтқындары, қазақстандық соғыс тұтқындарының және олардың отбасы мүшелерінің тағдыры, соңғыс тұтқындарына қатысты қуғын-сүргін, фильтрациялық (сүзгі) лагерьлер.

МРНТИ 03.20.00

ВОЕННОПЛЕННЫЕ-КАЗАХСТАНЦЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ РЕАБИЛИТАЦИИ

Г.К. Кокебаева, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы, Бятов Е.Б., заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил Республики Казахстан, полковник Вооруженных Сил Республики Казахстан,

Н.Т. Асыллов, PhD, ассоциированный профессор, полковник Вооруженных Сил Республики Казахстан, профессор кафедры факультета Академии Генерального штаба Национального университета обороны.

***Автор-корреспондент
e-mail: kokebayeva@gmail.com**

Аннотация. Авторами были исследованы история военнопленных Второй мировой войны, данная тема в советский период относилась к важнейшим государственными секретам.

Попытки ученых и экспертов разобраться в причинах и последствиях репрессий в отношении военнопленных наталкивались на ожесточенное сопротивление тоталитарной партийно-государственной системы, которая вплоть до 1991 г. запрещало публикации архивных документов, связанных с военнопленными. Первые попытки снять грифы ограниченного доступа к ряду архивных документов истории Второй мировой войны, в том числе военнопленных казахстанцев были предприняты в конце 1980-х гг. в Институте истории партии при Центральном Комитете Коммунистической партии Казахстана. Однако проведенная тогда работа не могла стать полноценной, чтобы дать целостное представление о военнопленных.

Только после обретения Казахстаном независимости были рассекречены Правительственной комиссией тематические комплексы документов в государственных архивах нашей страны.

Ключевые слова. Военнопленные казахстанцы Второй мировой войны, судьба военнопленных казахстанцев и членов их семьи, массовые репрессии военнопленных, фильтрационные лагеря.

IRSTI 03.20.00

**KAZAKH PRISONERS OF WAR OF THE SECOND WORLD WAR:
PROBLEMS OF REHABILITATION, G. KOKEBAEVA, B. DZHAPAROV,
E.BYATOV, N. ASILOV**

**G.K. Kokebaeva, Kazakh National University. al-Farabi, Doctor of Historical
Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty,**

B.A. Japarov,

**Byatov E., Deputy Commander-in-Chief of the Ground Forces of the Armed
Forces of the Republic of Kazakhstan, Colonel of the Armed Forces of the
Republic of Kazakhstan,**

**N.T. Asylov, PhD, associate professor, colonel of the Armed Forces of the
Republic of Kazakhstan, professor of the faculty of the Academy of the
General Staff of the National Defense University.**

***Corresponding author**

e-mail: kokebayeva@gmail.com

Abstract. The authors investigated the history of prisoners of war during World War II, a topic that was considered one of the most important state secrets during the Soviet period.

Attempts by scholars and experts to understand the causes and consequences of the repression of prisoners of war faced fierce resistance from the totalitarian, party-state system, which prohibited the publication of archival documents related to prisoners of war until 1991. The first attempts to lift the restrictions on access to certain archival documents from World War II, including those concerning Kazakhstani prisoners of war, were made in the late 1980s at the Institute of Party History under the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan. However, the work conducted at that time was insufficient to provide a comprehensive understanding of the prisoners of war.

It was only after Kazakhstan gained independence that the Government Commission declassified thematic complexes of documents in the state archives of our country.

Keywords: Kazakh prisoners of war in World War II, fate of Kazakh prisoners of war and their families, mass repression of prisoners of war, filtration camps.

Вторая мировая война, крупнейший и самый смертоносный конфликт в истории человечества, охватила большое количество стран, велась на суше, на море и в воздухе почти во всех частях мира. Также известная как Вторая мировая война, она была частично вызвана экономическим кризисом Великой депрессии и политической напряженностью, оставшейся неразрешенной после окончания Первой мировой войны. Война началась, когда нацистская Германия вторглась в Польшу в 1939 году, и бушевала по всему миру до 1945 года, когда Япония сдалась Соединенным Штатам после того, как атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Вторая мировая война была самой кровопролитной войной в истории человечества.

Казахстан участвовал в войне в составе СССР и внес бесценный вклад в общую Победу в войне. Герой войны, писатель Бауыржан Момышулы отмечал: «Война явилась переломным и поворотным пунктом и в истории казахского народа, оставив неизгладимый след в сердцах миллионов наших соотечественников»¹³.

История военнопленных второй мировой войны – трудный и сложный вопрос, который на протяжении всего существования советской власти оставался закрытым, а если освещался, то через призму проявления героизма советских людей в нацистских концлагерях. Однако интересный и важный аспект истории военного плена – человеческий аспект, т. е. судьба конкретного человека, затерявшегося среди миллионов жертв тоталитаризма, до сих пор остается малоизученной, так как исследование этой проблемы требует нового методологического подхода и привлечения доселе неизвестных документальных источников.

Пребывание людей в долголетнем плену чревато последствиями не только морально-политического характера, плен наносит непоправимый вред и здоровью этих людей. В 1962 году Всемирный союз фронтовиков созвал в Гааге международную конференцию экспертов по вопросу о последствиях пребывания в концентрационных лагерях и лагерях военнопленных. На конференции участвовали специалисты медицины и права, представители международных организаций, в том числе Международного Комитета Красного Креста и национальных союзов, а также работники министерств здравоохранения и юстиции 12 стран. Последствия, сказывающиеся через продолжительное время у людей, переживших концентрационные лагеря и гетто с их голодовкой, по мнению врачей, одинаковы. Это – преждевременная старость и преждевременная смерть. Пребывание в плену в

¹³ Муханбеткалиев Х.С. Развитие принципов военного искусства и Бауыржан Момышулы. – Кокшетау: «ТОО Риск-Бизнес», 2005. – 204 с.

общем нельзя сравнивать с пребыванием в концентрационном лагере, однако, у военнопленных, содержавшихся на Дальнем Востоке, советских военнопленных в Германии и немецких пленных в Советском Союзе, имеются сходные черты¹⁴ [2]. Поэтому война – это не только апогей напряжения международных отношений, война – это судьба конкретного человека. Этот аспект истории войны охватывает также и проблему военнопленных. Именно сейчас, на рубеже тысячелетий, перед историками, как никогда ранее, встает профессиональная и нравственная задача – осмыслить печальный опыт мировых войн, подвести окончательные итоги, отдать дань памяти погибшим, взглянуть на проблему жертв мировых войн, освободившись от политических и идеологических штампов периода противостояния СССР и западного мира. В последнее десятилетие XX века в постсоветском пространстве началось возвращение историческому знанию утраченного им гуманистического содержания. Изучение проблемы военнопленных также должно стать частью становления наполненной гуманистическим содержанием исторической науки.

Историография проблемы. В советский период военнопленные упоминались только в работах, посвященных политике истребления нацистскими властями антифашистов в концентрационных лагерях, а также проблеме участия советских людей в европейском движении Сопротивления. Отсутствие крупных исследований по истории военнопленных второй мировой войны было связано не только с негласным запретом на изучение этой проблемы, но и недоступностью для советских ученых архивных фондов СССР и невозможностью работы в архивах Германии.

На рубеже веков в связи с рассекречиванием некоторых фондов появились возможности объективного изучения проблемы военнопленных. В работах постсоветского периода обсуждались тяжелое положение советских военнопленных, смертность в немецких лагерях, репатриация и другие неисследованные аспекты данной проблемы. Наиболее полным и серьезным исследованием проблемы репатриации являются работы П. Поляна. Отличительной особенностью этой работы можно назвать использование материалов германских архивов. В работе рассматривается также и положение советских военнопленных и гастарбайтеров в Германии, однако приоритет отдается именно обстоятельному изучению репатриации этих двух категорий советских граждан. Необходимо выделить этого автора из общей группы российских исследователей, так как он считает, что советские военнопленные стали жертвами двух тоталитарных диктатур, пострадав в годы войны от нацизма, а после войны от преследований и гонений советской власти¹⁵. В исследовании Ю.Н. Арзамаскина раскрываются

¹⁴ Prisoners of War // Open Society Archives at Central European University (Hungary, Budapest), HU OSA 300-80-1, Box 152.

¹⁵ Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация. – М.: Изд-во «Ваш выбор ЦИРЗ», 1996. – 442 с.; Polian P. Deportiert nach

военно-политические и организационные основы процесса репатриации, их функции и основные направления практической деятельности, дается оценка работы органов государственного управления СССР по осуществлению репатриационной политики¹⁶. Монографию А. Шнеера, посвященную изучению истории советских военнопленных, можно отнести к ряду работ зарубежных авторов. Доктор Арон Шнеер свою исследовательскую деятельность начал еще в советское время в Латвии, с 1990 года живет в Израиле, с 1993 года работает в Национальном Институте Памяти жертв нацизма и героев сопротивления «Яд ваашем». Его монография написана на основе архивных материалов этого института, воспоминаний бывших пленных, устных бесед и интервью, документов, опубликованных за рубежом. Исследование А. Шнеера отличается оснащенностью фактическим материалом, критическим отношением к политике советской и нацистской властей и категоричностью суждений и оценок результатов противоправной политики этих стран¹⁷.

В истории советских военнопленных есть одна сложная и деликатная тема, которую историки не могут рассматривать нейтрально, без пристрастия, так как она связана с такими понятиями, как «измена родине» и «предательство». Историография этого вопроса насколько политизирована, что такие перемены, происходящие в исторической науке, как отказ от советских идеологических стереотипов, не распространяются на эту проблему. Это – история добровольческих формирований, созданных из советских военнопленных. В 90-х годах были переведены некоторые работы зарубежных авторов, в том числе книга Е. Андреевой, посвященная трагической судьбе генерала А.А. Власова и других военнослужащих, участвовавших в антисоветском движении¹⁸. Однако, когда многие стереотипные оценки отдельных исторических событий и явлений подверглись пересмотру, изучение истории воинских частей, созданных из советских военнопленных оставалось еще на прежнем уровне. Так, изданная в 2004 году книга С.И. Дробязко продолжает традицию советской историографии, квалифицировавшей историю национальных частей, созданных из советских военнопленных, как предательство, измену Родине¹⁹. Несмотря на категоричность оценки исследуемого явления, С.И. Дробязко в

Hause: sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. – Wien; München: Oldenburg, 2001. – 220 S.

¹⁶ Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944-1953 гг. – М.: Фокус, 2001. – 145 с.

¹⁷ Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. – М. Изд-во «Мосты культуры»; Иерусалим: Гешарим, 2005. – 623 с.

¹⁸ Андреева Е. Генерал Власов и русское освободительное движение / пер. с англ. – Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd., 1990. – 370 с.

¹⁹ Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. – М.: Эксмо, 2004. – 608 с.

своей работе охватывает весь комплекс вопросов, как условия и причины возникновения антисоветских вооруженных формирований, участие русской эмиграции в создании этих воинских частей, история власовских частей, использование советских граждан и эмигрантов немецкими спецслужбами, создание и применение восточных легионов. Монография известного ученого М.И. Семиряги о коллаборационизме положила начало отказу от односторонних, отрицательных, эмоциональных и идеологизированных суждений в российской историографии о данном историческом явлении²⁰.

История советских военнопленных интенсивно изучается немецкими учеными. Монография Х.Штрайта – самая полная и документированная летопись трагедии советских военнопленных в нацистских лагерях. Цифровые данные, приведенные в его книге теперь цитируются почти во всех русскоязычных исследованиях, критикующих политику истребления советских военнопленных в Третьем Рейхе²¹. А. Штрайм детально изучил различные способы уничтожения военнопленных: тяжелая непосильная работа, опасные для жизни научные опыты, массовые убийства²². Политика истребления советских военнопленных, проведенная гестапо и участие в ней вооруженных сил нацистской Германии исследована в работе Р. Отто²³.

В немецкой исторической науке добровольческие формирования, созданные из советских военнопленных, исследуются как один из аспектов научной проблемы истории военнопленных. Монография Х.В. Нойлена посвящена изучению истории иностранных воинских подразделений, созданных из добровольцев – представителей всех европейских стран²⁴. В ней рассматриваются также восточные легионы. Работа Й.Хоффманна основана на архивных документах, на воспоминаниях и других малоизвестных в постсоветском пространстве источниках²⁵.

В Казахстане в советский период проблема военнопленных не изучалась, так как не было возможностей изучения материалов зарубежных архивов. В период независимости появились первые работы, основанные на архивных документах. Г.К.Кокебаевой на основе материалов германских

²⁰ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2000. – 863 с.

²¹ Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. – Bonn: Dietz, 1991. – 448 S.

²² Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. – 246 S.

²³ Otto R. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. – München: Oldenburg, 1998. – 288 S.

²⁴ Neulen H.W. An deutscher Seite. Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. – München: Universitas Verlag, 1985. – 518 S.

²⁵ Hoffmann J. Die Tragedie der «Russischen Befreiungsarmee» 1944/45: Wlassow gegen Stalin. – München: Herbis, 2003. – 400 S.

архивов написаны две монографии²⁶ и несколько десятков статей по данной теме. После приобретения независимости Казахстаном появились работы литературно-публицистического характера, посвященные теме военнопленных. Среди них работа А. Какена отличается использованием некоторых недоступных рядовому исследователю материалов из тайников органов безопасности²⁷ [17]. В статьях К.С.Алдажуманова рассматриваются проблемы участия казахстанцев в легионах, созданных из военнопленных²⁸.

Источниковая база исследования. В отчетный период исполнители проекта работали в центральных и областных спецархивах КНБ и МВД. В Спецархиве Департамента полиции г. Алматы изучались материалы следственного дела легионеров, в частности, материалы процесса под названием «Дело 49-ти». Пока обнаружены около пятидесяти томов материалов, из них детально изучены 30 томов.

Специальном государственном архиве Департамента полиции МВД РК г. Астана ф.10 «Фильтрационные и трофейные материалы бывших военнопленных» (изучены фильтрационные и трофейные материалы на военнопленных-казахстанцев и туркестанских легионеров, выявлено 2572 уголовных дела; составлена таблица с отражением предварительных результатов архивной работы, на основе выявленных материалов; проведена работа по изучению материалов, бывших военнопленных периода Второй мировой войны, уроженцев и призванных с территории Акмолинской области. В результате работы отработано 18 коробок фильтрационных дел и трофейных карточек, составлен список из 1150 военнопленных.

В специальных государственных архивах КНБ РК городов Алматы и Астана изучены материалы о военнопленных-казахстанцев, служивших в воинских частях в составе Вермахта.

По выявленным источникам были составлены три сборника материалов:

1. Сборник «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны.

Акмолинская область». Это первое издание, посвященное судьбе военнопленных Второй мировой войны, призванных или проживающих после освобождения на территории Акмолинской области и города Акмолинск. Биографические данные составлены на основе архивных документов военного и послевоенного времени. Сборник состоит из 7 разделов, в которых представлены списки военнопленных, погибших и

²⁶ Кокебаева Г.К. Германия – Россия – СССР: политика, война и плен. Монография. – Алматы: Қазақ университеті,, 2009. – 352 с.; Көкебаева Г.К. Талқыға түскен тағдыр: түркістандық соғыс тұтқындары. Монография. – Алматы: Полиграфия сервис и К⁰, 2022. – 302 б.

²⁷ Кәкен А. Түркістан легионы. – Астана: Республикалық баспа-полиграфия орталығы, 2000. – 140 б.

²⁸ Алдажұманов Қ.С. Тұтқындағы қазақ жауынгерлері және Түркістан легионы (1941-1945 жж.) // Отан тарихы. – 2016. – № 4. – Б.41-59.

освобожденных из лагерей, роль Акмолинской области на фронте и в тылу, показана дислокация немецких лагерей для военнопленных, фото из архивных документов, а также глоссарий по теме. Основным разделом является списки уроженцев Акмолинской области или проживавшими накануне войны на территории области и призванными на воинскую службу районными и городскими военными комиссариатами. Проведенный анализ показал, что по имеющимся материалам военнопленных по Акмолинской области наибольшее число плененных приходилось на призывников в 1918-1923 годов, призванных на первом этапе мобилизации; основной год пленения 1942 год. Выявленные документы не позволяют представить этнический состав военнопленных из-за неполных данных в анкетах. Публикация выявленных материалов базы данных узников лагерей в годы Второй мировой войны содействует восстановлению честного имени тех, кто перенес трагедию плена или погиб в плену. Молодое поколение должна сохранить и знать страницы истории войны не только из фильмов и книг, но из жизни и судьбы их дедов и отцов. Сборник сдан в печать.

2. Сборник «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны. Северо-Казахстанская область». Предлагаемая книга представляет собой второй том из серии «Возвращенные имена. Книга памяти казахстанцев-военнопленных Второй мировой войны», где представлены данные казахстанских военнослужащих, оказавшихся в плену у Германии, погибших в плену, также и выживших и ввернувшихся на родину. В книгу включены имена уроженцев Северо-Казахстанской области или проживавших накануне войны на территории области и призванных на воинскую службу районными и городскими военными комиссариатами этой области. Предоставление возможности членам Рабочей группы право работать в спецархивах позволяют восполнить пробелы в истории некоторых семей, где долгое время солдат считался пропавшим без вести. Это, в первую очередь, картотеки немецких концлагерей, которые частично были использованы при составлении карточек учета советских военнопленных в фильтрационных лагерях. В них вносились личные данные, отпечаток пальца, реже фотографии. Возможно, фотография с карточки военнопленного, сделанная немецким фотографом, единственное фото, которое может сегодня сохранить семья для семейного альбома. Здесь же указывался порядковый номер и пригодность к работе. Списки военнопленных впервые оказались в распоряжении исследователей благодаря Департаменту информатизации и связи МВД РК. Исследовательская группа работала с документами фонда № 10 «Фильтрационные и трофейные материалы бывших военнопленных». Сборник сдан в печать.

3. Сборник «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны. Документы и материалы» подготовлен и находится на стадии рецензирования. В предлагаемую к изданию книгу вошли комплекс документов – международные конвенции (из опубликованных источников) и советские нормативные документы, выявленные в архивах членами Рабочей

группы. Книга состоит из четырех частей. В первую часть включены документы, определяющие международно-правовой статус военнопленных. Остальные части охватывают советские нормативные документы по проблеме военнопленных в период Второй мировой войны.

Изучение следственных дел судебного процесса над военнопленными показывают, что военнопленные в основном были осуждены на срок до десяти лет лишения свободы за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР.

Методологические основы проектного исследования. Анализ конкретных условий содержания военнопленных осуществлен с использованием различных концепций о роли человека, разработанных мыслителями XX века. В частности, в исследовании поведения людей на фронте и в плену использована идея о том, что только в предельно-экстремальной ситуации человек может в полной мере оценить смысл жизни. При анализе практики жестокого обращения военными Вермахта и Красной Армии с военнопленными руководствовались социально-философскими идеями о «тоталитарном человеке», при объяснении презрительного отношения в советском обществе к тем, кто побывал в нацистском плену, обращалась к концепции «формирования советского человека». Человек тоталитарного типа всецело подчиняется господству государства, стремится соответствовать государственным стереотипам. Эти стереотипы определяли поведение почти всех государственных и военных деятелей нацистской Германии и Советского Союза периода сталинского правления. Концепция «формирования советского человека» предусматривала воспитание «всесторонне развитой» личности, отличающейся высокой духовностью, «советский человек» должен был признать приоритет общественного интереса над личными, добросовестно трудиться на благо общества, отрицать все, что создано в «буржуазном обществе». Этот идеализированный тип «нового человека» должен был стать образцом для всех советских граждан, оказавшихся в экстремальной ситуации. Однако в тоталитарном обществе, где власти видят личность абстрактной единицей, которую можно перевоспитывать и свести в сплоченную массу, объединенной единой идеологией. В СССР она именуется социалистической нацией, а в нацистской Германии «арийцами». Но даже и в тоталитарном обществе личность не исчезает, она свою индивидуальность проявляет другими способами. Поэтому в экстремальных ситуациях (например, в плену) ярче проявляется не те качества, которые привиты личности «идеологическим перевоспитанием», а именно скрытые, заглушенные унификацией, индивидуальные качества. Изучение исследуемой темы в рамках концепции «формирования советского человека» выявило противоречие декларируемой большевиками идеи равноправия и процветания всех наций, проживающих на территории СССР и реальной политики советской

власти по отношению к военнопленным – защитникам отечества, временно побывавшим в вражеском плену.

Причины и обстоятельства массового пленения советских солдат в первые месяцы войны

После окончания войны правду о ней нам выдавали ограниченными сведениями. Победа было окутана ложью. Одним из секретов, например, были причины и обстоятельства массового пленения советских солдат в годы Второй мировой войны.

В первый же месяц после нападения нацистской Германии на Советский Союз началось массовое пленение военнослужащих Красной Армии. В результате быстрого продвижения немецких войск, а также потери связи между штабами фронтов, армий, дивизий и других подразделений десятки и сотни тысяч солдат и офицеров оказывались в окружении. Потеря связи между высшими военными инстанциями и местными подразделениями, отсутствие координации действий отдельных частей привели в первые дни к хаотическому отступлению советских войск, что мешала сбору и передаче в штабы сведений о погибших, раненых, попавших в плен и пропавших без вести красноармейцев.

Точные и достоверные сведения о количестве советских военнопленных в 1941-1945 годах отсутствуют. Имеются публикации, непосредственно посвященные истории советских военнопленных, но вопрос об их общей численности и масштабах смертности остается открытым. На этот счет в литературе и публицистике и по сей день бытуют самые разнообразные оценки.

Первые сведения о численности советских военнопленных еще с конца 1950-х гг., выявил в немецких архивах американский историк А. Даллин и опубликовал в своей монографии «Германское правление в России. 1941–1945», вышедшей в 1957 г. на английском языке, 1958 г. – на немецком языке). В своей работе А. Даллин приводит следующую статистику: в 1941 году взято в плен – 3 млн. 355 тысяч, в 1942 году – 1 млн. 653 тысяч, в 1943 году – 565 тысяч, в 1944 году – 147 тысяч, в 1945 году – 34 тысяч человек; всего – 5 млн. 754 тысяч советских военнопленных²⁹.

В СССР А. Даллин был немедленно причислен к «буржуазным фальсификаторам», и введенная им в научный оборот статистика (не оценочная, а документально подтвержденная) не использовалась в научных трудах вплоть до конца советской эпохи. В зарубежной же историографии, наоборот, эта статистика активно использовалась, выдержала проверку временем и по сей день считается как наиболее достоверная.

²⁹ Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941-1945. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1958. – S. 440.

Западные историки, в частности, немецкие, приводят еще другие цифры. Й. Хоффман называет цифру 5.24 млн., из них 3,8 миллиона попали в плен в первые месяцы войны³⁰. Наиболее подробная статистика приведена в работе Х. Штрайта: в декабре 1941 г. количество советских военнопленных достигло 3 350 000 человек, в середине июля 1942 г. – 4 716 903 человек, в январе 1943 г. – 5 003 697 человек, в феврале 1944 г. – 5 637 482 человек, в феврале 1945 г. – 5 734 528 человек; смертность среди советских военнопленных в немецких лагерях составляла 57,8 %, то есть 3,3 млн. пленных погибли от голода, холода и жестокого обращения³¹. Как пишет известный специалист по истории второй мировой войны профессор Б. Бонвеч, приведенное Х. Штрайтом количество умерших в плену советских военнослужащих (3,3 млн.) показывает разницу между общей численностью военнопленных (5,7 млн.) и количеством доживших из них до 1945 года (2,4 млн.); если количество умерших пленных определить таким методом, то по данным Й. Хоффмана, в плену умерли 2,8 млн. человек³². Если в число 5,7 млн. человек включены и военнопленные, входившие впоследствии в состав национальных формирований, то, видимо, Й. Штрайт не учел их количество при определении умерших военнопленных. Сведения А. Штрайма также отличаются вышеприведенных, он считает, что в немецком плену умерло 2 млн. 545 тысяч советских военнопленных³³. В документе под названием «Разъяснение о нахождении советских военнопленных на 1-ое мая 1944 года», подготовленном Отделом военнопленных Службы общего управления армии имеются следующие сведения: всего взято в плен сухопутными силами – 5 165 381 человек, из них переведено в распоряжение Верховного командования Вермахта (ОКВ) – 3 117 449 пленных, из них фактически прибыло – 2 836 639 пленных, осталось под контролем Верховного командования сухопутных сил (ОКН) – 2 047 932 пленных; зарегистрированы смертные случаи в лагерях военнопленных на оккупированной советской территории – 845 128, в лагерях на территории Германии и Польши – умерли 1 136 236 военнопленных; переведены в гражданское или военное ведомство из лагерей военнопленных на оккупированной советской территории – 535 523 пленных, из лагерей на территории Германии и Польши – 282 707 пленных; побеги и другие потери в лагерях военнопленных на оккупированной советской территории – 490

³⁰ Хоффманн Й. История власовской армии / пер. с нем. – Париж: YMCA-PRESS, 1990. – С. 106.

³¹ Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. – Bonn: Dietz, 1991. – S. 244-246.

³² Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. – 1993. – 41. Jg. H. 2. – S. 135.

³³ Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. – S.178.

441, в лагерях на территории Германии и Польши – 539 616; осталось на 1 мая 1944 г. – 1 054 820 военнопленных³⁴.

Именно указанная цифра в округленном виде – 5,7 млн. является общепринятой в зарубежной историографии.

Российская статистика намного отличается от приведенных выше сведений западных исследователей. Комиссией Министерства обороны под председательством М.А. Гареева, созданной в 1988 году, было определено, что в годы Великой Отечественной войны без вести пропали и попали в плен 4 559 000 военнослужащих, из них 1 836 562 вернулись из плена после войны, 937 700 были призваны вторично из оказавшихся на освобожденной территории, 673 000 погибли в плену по данным противника; неизвестна судьба 1 110 500 военнослужащих³⁵.

В российской историографии наиболее авторитетным источником по этому вопросу считается подготовленный коллективом военных историков под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева и изданный в 1993 г. статистический сборник «Гриф секретности снят». Это издание готовилось под эгидой Министерства обороны РФ. В нем в графе «Пропало без вести, попало в плен» также указана цифра – 4559 тыс. человек³⁶.

Комиссия при Президенте РФ по реабилитации политических репрессий под руководством А.Н.Яковлева констатировала: «Точные и достоверные данные о военнопленных в 1941-1945 гг. отсутствуют. Германское командование в официальных данных указывает цифру в 5,27 млн. человек, по данным Генштаба Вооруженных Сил Российской Федерации, потери пленными составили 4 млн. 59 тыс. человек³⁷.

Такую большую разницу между немецкими и советскими данными можно объяснить тем, что немецкая статистика включала в число военнопленных и гражданских лиц, взятых в плен на оккупированной советской территории. В первые месяцы войны военнопленные и арестованные местные жители содержались во временных лагерях вместе. Так, Ф.Я. Черон вспоминает: «Из Слонима группой человек в пятьсот нас повели под конвоем на юго-запад, в направлении Бреста. По дороге к нам присоединяли еще пленных, среди которых было много раненых. Было сколько-то и в гражданской одежде и люди пожилого возраста. Почти у каждого из них был мешок за плечами. Они не были пострижены под машинку и не были похожи на военных. После расспросов стало известно, что они были советские заключенные и строили аэродром на польской

³⁴ Кокебаева Г.К. Германия – Россия – СССР: политика, война и плен. Монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – С. 165-166.

³⁵ Россия и ССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 248, 463.

³⁶ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. – М., 1993. – С.334.

³⁷ Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92

территории. Среди них были и бывшие польские подданные и советские. Не политические. С наступлением немцев советская охрана их бросила, и некоторые из них попали в плен. Потом их постепенно выпускали, если они могли доказать, что не были в советской армии»³⁸. Во многих работах, вышедших в России, повторяются названные Х. Штрайтом сведения об общем количестве советских военнопленных в Германии и умерших в плену. Но слишком большая разница в цифрах, приведенных в документах официальной комиссии Министерства обороны СССР и в немецких исследованиях, а также противоречивые сведения в документах Вермахта затрудняет точное определение общего количества советских военнопленных. То же самое можно сказать о количестве умерших в плену советских военнопленных. Здесь даже не поможет точное определение общего количества военнопленных и доживших из них до разгрома нацистской Германии, так как, чтобы сделать правильный подсчет, нам надо знать также и количество использованных для создания воинских формирований из военнопленных, а статистика этой категории пленных тоже дает приблизительные данные.

Таким образом, не имея окончательно выверенной статистики попавших в плен, умерших в плену или вступивших в воинские части в составе Вермахта военнопленных по СССР в целом, трудно определить общую численность военнопленных-казахстанцев.

Эту же цифру в 5,7 млн. (точнее – 5 млн. 734 тыс.) указывает А. Бакиров в своей работе, написанной на базе архивных материалов КГБ Казахской ССР. Из них, по его данным, 280 тыс. погибли в пересыльных лагерях, 1 млн. 30 тыс. 157 человек были убиты при попытке к бегству либо умерли на заводах и шахтах Германии, а около 500 тыс. совершили побег из лагерей³⁹.

В статистическом сборнике, подготовленном коллективом авторов под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, приведены следующие сведения: в конце войны и после ее завершения из плена вернулись в СССР 1 836 562 человек, из них около 1 млн. человек были направлены для дальнейшего прохождения службы в частях Красной Армии, 600 тысяч – для работы в промышленности в составе рабочих батальонов и 339 тыс. (в том числе 233,4 тыс. бывших военнослужащих) как скомпрометировавшие себя в плену были отправлены в лагеря НКВД. В числе вернувшихся казахов – 23 143, узбеков – 28 228, киргизов – 4 014, туркмен – 3 511, таджиков – 3 948 чел.

С началом боевых действий на советско-германском фронте в результате неблагоприятного исхода приграничных сражений огромное число воинов Красной Армии по различным причинам попали в окружение. После ожесточенных боев многие из них погибли; незначительные группы

³⁸ Черон Ф.Я. Немецкий плен и советское освобождение. – Париж: YMCA – PRESS, 1987. – С.32.

³⁹ Бакиров А. Операция "Франц". - Кызылорда, 2000. С.24.

вышли к своим; часть стали партизанами, но немало из них ввиду: ранений, болезни, отсутствия боеприпасов, горючего и провианта были захвачены противником в плен. В своем исследовании немецкий историк К. Штрайт, ссылаясь на многочисленные документы штабов групп армий, приводит данные о числе советских военнопленных, захваченных немецкими войсками в 1941-1942 гг. в различных районах боевых действий: Белосток-Минск - 323 тыс., Умань - 103 тыс., Смоленск-Рославль - 348 тыс., Гомель - 50 тыс., оз. Ильмень - 18 тыс., Великие Луки - 30 тыс., Эстония - 11 тыс., Демянск - 35 тыс., Киев - 665 тыс., Луга-Ленинград - 20 тыс., Мелитополь-Бердянск - 100 тыс., Вязьма-Брянск - 662 тыс., Керчь - 100 тыс. Всего к 16 ноября 1941 г. их число достигло 2,5 млн человек⁴⁰.

Почти 2 млн. советских военнослужащих (49% от общего числа военнопленных за все годы войны) попали в плен летом 1941 г. Поражения Красной Армии летом 1942 г. привели к потере пленными еще 1 млн. 339 тыс. человек (33%). В 1943 г. эти потери пленными составили 487 тыс. человек (12%), в 1944 г. - 203 тыс. человек (5%), в 1945 г. - 40,6 тыс. человек (1%).⁴¹

В первые месяцы войны в плен попадали в результате окружения, из-за невозможности пробиться к своим. Ранение, оставление на поле боя раненных, отсутствие боеприпасов и дезорганизация, вело к увеличению числа военнопленных. Были и такие, которые смогли вырваться из окружения, осесть среди местного населения и вступить в партизанские отряды. Тем же, кто был взят в плен в первые месяцы войны выпала тяжелая доля пройти концлагеря, создаваемые в чистом поле, рыть землянки, чтобы согреться от осенних дождей и переносить массовые заболевания холеры и сыпного тифа. В официальных документах все они именовались «бывшими военнослужащими». По действовавшим правилам, без вести пропавшие бойцы РККА учитывались как «безвозвратные потери». Их имена вычеркивались из списочного состава вооруженных сил. Пленение влекло за собой утрату воинского звания и лишение семьи военнослужащего денежного пособия. Начальник управления кадров Вооруженных сил СССР генерал М. Шкадов в 1990 г. сообщил, что «до сих пор пропавшими без вести значится около трех миллионов человек».⁴²

Взятые в плен красноармейцы и офицеры поступали в дивизионные и армейские сборные пункты. Здесь сразу отбирались бывшие комиссары и коммунисты, которые подлежали уничтожению. От общей массы пленных изолировались также евреи. Далее заключенные передавались в транзитные или пересыльные лагеря, так называемые дулаги (Durchgangslager – Dulag),

⁴⁰ Штрайт К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные, 1941-1945 гг. / Пер. с нем. М., 1991. С. 147-148

⁴¹ Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91–112.

⁴² Ветеран. 1990. № 2. С. 10.

которые располагались, как правило, на территории оккупированных областей СССР. В сборные лагеря пешком гоняли военнопленных со всех участков фронта. Чаще всего это были голые участки земли, обнесенные колючей проволокой и совершенно непригодные для содержания военнопленных. Определенная часть военнопленных погибали в пути от непрерывной ходьбы и истощения, многие прибывали в лагерь обессиленные и не выдерживали непосильный труд в лагерях уже в первые месяцы. Так, 9 ноября 1941 г. начальник Отдела военнопленных в Главном управлении имперской безопасности в своем отчете отметил, что коменданты всех лагерей жалуются, что 5-10 % военнопленных прибывают в лагерь «полумертвые»⁴³.

В период второй мировой войны территория Германии и оккупированной ею стран были покрыты густой сетью концлагерей, лагерей для военнопленных и рабочих лагерей, через которые прошли военнослужащие стран антигитлеровской коалиции, попавшие в плен. С 1933 по 1945 год в нацистской Германии было создано около 40 000 лагерей, предназначенных для заключения миллионов жертв нацистского режима. Эти лагеря использовались для различных целей; среди них были лагеря принудительного труда, пересыльные лагеря, служившие временными остановками на пути движения заключенных, и лагеря смерти, предназначенные преимущественно или исключительно для массовых убийств.⁴⁴

В пересыльных лагерях пленных разделяли на две категории: рядовой и сержантский состав отправляли в шталаги (Mannschaftstammlager – Stalag), а офицеров – в отдельные офицерские лагеря – оффлагы (Offizierslager – Offlag). Все перечисленные лагеря находились в ведении Верховного командования Вермахта (Oberkommando Wehrmachts) и охранялись армейскими частями. Видимо, командование немецких войск не было подготовлено к приему и размещению в лагерях на территории Польши и Германии такого огромного количества людей, которые оказались в плену к концу 1941 года. Вопрос о строительстве дополнительных лагерей, в сущности, даже не обсуждался. По этой причине многие пересыльные лагеря, находившиеся на территории Белоруссии, Украины и Литвы уже осенью 1941 года были преобразованы в лагеря для военнопленных рядового состава (шталаги). На территории этих огромных лагерей военнопленные были фактически предоставлены на произвол судьбы. Лагерное начальство ограничивало свои функции внешней охраной лагерей от побегов, не рискуя лишиться раз появляться внутри огороженной зоны, где свирепствовали эпидемии и голод. Никакой серьезной медицинской помощи пленным не оказывалось. Надзор за внутренней жизнью и забота о поддержании порядка

⁴³ Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. – S. 74

⁴⁴ Мемориальный музей Холокоста США. «Введение в Холокост». Энциклопедия Холокоста. <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/introduction-to-the-holocaust>.

в лагере передавались полицаям, которые назначались немецкими комендатурами. Постоянными лагерями для военнопленных (оффлаг и шталаги) управляли коменданты из числа пожилых немецких офицеров в чине не ниже полковника. При комендатуре лагеря были представители разведки и органов безопасности. До 1944 года постоянные лагеря охраняли специальные охранные батальоны. А с 1944 года многие лагеря для военнопленных превратились в такие же концлагеря, которых охраняли войска СС.

Массовая гибель советских военнопленных имела место именно в первый год войны. Немного советских военнопленных пережили зиму 1941-1942 гг. Чтобы скрыть факт массовой гибели советских военнопленных в лагерях Польши Верховное командование Вермахта 14 декабря 1941 г. дало указание не разрешать польской общине погребать трупы умерших, захоронить их в особых местах близко к лагерю⁴⁵. Причин высокой смертности среди советских военнопленных было много: «приказ о комиссарах», непризнание Советским Союзом международных конвенций, неустроенность лагерей, плохое питание и эпидемии тифа, использование военнопленных в научных опытах. По отчетам представителей Верховного командования Вермахта, Министерства иностранных дел и Восточного министерства, посещавших лагерей в 1941-1942 гг., в лагерях советских военнопленных в декабре 1941 г. была вспышка эпидемии тифа, поэтому пришлось во многих лагерях объявить карантин⁴⁶. На совещании главных квартирмейстеров армейских групп и армии, проходившем 17-18 апреля 1942 г., подполковник Шмидт фон Альтенштадт сообщил, что к началу апреля 1942 г. от голода и тифа погибло 47% всех русских военнопленных, находившихся в Германии⁴⁷.

В первые месяцы войны с СССР немцам пришлось приспособливать для лагерей любое помещение, тюрьмы, школы, разрушенные здания предприятий, даже старые карьеры, иногда организовывали лагеря на пустом месте, огороженном проволокой. Советские военнопленные в июле-сентябре 1941 г. располагались в таких временных лагерях. В этих лагерях условия были невыносимые, пленные погибали каждый день. На высокую смертность среди советских военнопленных обратили внимание даже немцы. Так, 10 июля 1941 г. представитель Восточного министерства в Службе Организации Тодта Х. Дорш сообщил Имперскому министру А. Розенбергу о нечеловеческом состоянии пленных в лагере в Минске: «В лагере для пленных в Минске в помещении площадью, например, как Вильгельмплатц, помещены примерно 100 000 военнопленных и 40 000 гражданских пленных. Пленные, которые содержатся вместе в этом тесном помещении, почти не могут двигаться и вынуждены исполнять свою естественную нужду на месте,

⁴⁵ Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg), RH 53-23/84a.

⁴⁶ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 105184, Bd. 17.

⁴⁷ Арон Шнеер Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. – 623 с.

где они стоят. Лагерь охраняется одной ротой солдат. Охрана лагеря при незначительной силе, выделенной для охраны командой, возможно только при применении самых жестоких методов. Проблема снабжения лагеря продовольствием не решена, пленные частично от 6 до 8 дней остаются без пищи и при вызванной голодом животной апатии испытывают только лишь одно желание: найти что-нибудь съедобное»⁴⁸. Х. Штрайт пишет, что организация дел по обращению с военнопленными, вопросы размещения, питания, эвакуации и трудоустройства военнопленных в нацистских верхах рассматривалась еще первом полугодии 1941 года. Во время процесса по делу Главного штаба Вермахта генерал Рейнеке утверждал, что Кейтель сообщил ему примерно в мае 1941 г., что возможна война против Советского Союза, поэтому он должен дать распоряжение об обучении штабов лагерей военнопленных и о подготовке лагерей на востоке Германии. При этом Кейтель запретил возводить какие-то постройки, подготовительные мероприятия должны проводиться только на учебных полигонах. Начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа на Нюрнбергском процессе рассказывал, что начальник Управления ОКВ по делам военнопленных Рейнеке давал прямые указания организовать лагерь для русских военнопленных на открытом месте, огороженном проволочным забором. Однако временные лагеря, устроенные в крытых помещениях, также не отличались удобством для военнопленных⁴⁹.

В журнале боевых действий VI военно-промышленной инспекции сохранилась запись от 30 мая 1941 г. В ней сообщается, что административно-хозяйственное управление 4-корпуса в середине апреля обратилось с просьбой к военно-промышленной инспекции об оказании помощи необходимыми материалами для постройки новых лагерей для военнопленных. Из высказываний сотрудников административно-хозяйственного управления 4-корпуса можно заключить, что военнопленные, которые будут содержаться в этих лагерях, должны были сами устроить себе жилые помещения на пустом огражденном забором месте. Это предположение немецкого исследователя подтверждается и воспоминаниями бывших военнопленных. П. Пирогов рассказывает: «Многих тысяч пленных, взятых в первые дни войны, поместили в редком ельнике, обнесенном проволокой. ...При наступлении дождливой и холодной погоды встал вопрос об укрытии. Выход был – строить землянки. Но чем? Инструмент могли достать немцы, но они об этом не думали. Пришлось обратиться к опыту человека каменного века. ...Яму рыли алюминиевым котелком, у кого он был, алюминиевой ложкой, но больше заостренными палками и голыми руками. Яма рылась: в длину – в рост человека, в ширину – для помещения двух человек, плечом к плечу, глубиной – также почти в рост человека. В

⁴⁸ Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933-1945. Hrsg. Von H. Kaden und L. Nestler. – Berlin: Dietz, 1993. – Bd. 1. – S.25-26.

⁴⁹ Kokebayeva G.K. The Issue of Defining the International-Legal Status of Soviet Prisoners of War // European Researcher, 2014, Vol. (66), № 1, P.49-58.

ногах оставляли ступеньки для выхода. ...Те, у кого были алюминиевые ложки, делали зазубрины на плоской ручке, так что получалось подобие пилочки. Ею за несколько дней и спиливали дерево. ...Результаты двухнедельного или более труда увенчались успехом. В землянке, даже в непогоду, было уютно и достаточно тепло. Через месяц все люди ушли под землю... Немцы дивились русской смекалке, фотографировали. Уже очень ослабевавших, в сентябре-октябре нас отправили в Германию»⁵⁰. Начальник отдела по делам военнопленных Данцигского военного округа на Нюрнбергском процессе рассказывал, что начальник Управления ОКВ по делам военнопленных Рейнеке давал прямые указания организовать лагерь для русских военнопленных на открытом месте, огороженном проволочным забором. Однако временные лагеря, устроенные в крытых помещениях, также не отличались удобством для военнопленных. 26 января 1942 г. сотрудник генерального штаба сухопутных сил Германии полковник Х.Д. Херре побывал в устроенном немцами лагере для военнопленных в Сталино. О своей поездке он рассказывал писателю Юргену Торвальду: «Масса военнопленных стояли плечом к плечу. Они были настолько скучены, что никто не мог лечь и спать. Прямо у двери трое, скорчившись, лежали на полу, это были умирающие или уже мертвые...Люди валились, потому что больше не могли стоять. Лица были бледные, с ввалившимися глазами, грязными бородами».

По приказу Верховного командования Вермахта об обращении с военнопленными в случае реализации плана «Барбаросса» (16 июня 1941 г.), было предусмотрено создание в Восточной Пруссии и Польше приемных пунктов, сборных лагерей и 6-8 постоянных лагерей для советских военнопленных, а в остальной территории Германской империи – создание 19 стационарных лагерей для военнопленных рядового состава и отдельных лагерей для пленных офицеров, вместимость каждого лагеря была определена в пределах 30 000 - 50 000 человек⁵¹. Критерием при определении вместимости лагерей являлось наличие возможностей по предотвращению массовых побегов и бунтов пленных, а также возникновения эпидемий. В целом нацистское руководство при нападении на Советский Союз предполагало, что в плену окажутся 2-3 млн. военнослужащих Красной Армии.

Постоянные лагеря для военнопленных рядового и сержантского состава (Шталаги) были рассчитаны на десять тысяч человек. Вокруг лагеря было высокое проволочное ограждение, внутри в два ряда располагались бараки, каждый барак был обнесен колючей проволокой. В каждом бараке помещались по 200-250 человек. Во внешнем заборе имелись наблюдательные вышки. Внешнюю охрану несли солдаты на вышках и

⁵⁰ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA-PRES, 1994. – С.111-112.

⁵¹ Кокебаева Г.К. Германия – Россия – СССР: политика, война и плен. Монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2009. – С.171.

солдаты с собаками, обходившие лагерь. Внутри лагеря вдоль улицы, где расположены бараки, также патрулировали часовые. Выходить из загоронок, окружавших бараки, было запрещено. Полицей должны были будить военнопленных летом в 5, зимой в 6 часов утра и строить их для проверки. После проверки их не пускали в барак, барак пустел до вечернего отбоя. Внутреннее убранство барачных для советских и западных военнопленных было разным. Советские военнопленные в 1941-1942 гг. содержались в очень переполненных бараках, спали на голых досках иногда на соломенных матрасах. В бараках западных пленных также было тесно, но они спали на нормальных матрасах, имели тумбочки для личных вещей, могли повесить фотографии родных, готовить еду на маленькой печке, читать газету и т.д. Так, в Норвегии на 18 мая 1945 г. из 14 тыс. советских военнопленных 75%, погибло⁵².

Западные военнопленные имели право на переписку с родными, они постоянно получали от Красного Креста продовольственный паек. Западные государства поддерживали своих военнопленных, выделяя большие суммы для покупки Красным Крестом продовольствия, одежды и других товаров; представители Красного Креста привозили их в немецкие лагеря и распределяли среди западных военнопленных. Военнопленные всех стран, исключая советских, получали посылки от родных, допустимая норма одной посылки была 2 кг. Даже в тех лагерях, где содержались чехи и поляки, было разрешено получать одну посылку в месяц. Посылку не получали только советские военнопленные и евреи. Советские военнопленные не всегда получали и скудную лагерную пищу, состоящую из 200 г хлеба, ложки повидла, супа из брюквы и эрзац-кофе. Иногда питались только гнилой картошкой. Анализ документов Верховного командования по подготовке к войне с Советским Союзом показывает, что нацистское руководство не планировало достаточное обеспечение продовольствием большого количества военнопленных. Осенью-зимой 1941-1942 гг. уровень смертности среди советских военнопленных в немецких лагерях была очень высокой. Так, на территории группы армий «Юг» в конце декабря 1941 г. смертность по лагерям была следующей: в дулаге № 160 умирало в среднем 10 человек в сутки (27,8 % за год), в дулаге № 205 – 21 человек в день (82,6 % за год), в шталаге № 346 – 50 человек в день (80,1 % за год). В лагерях на территории Генерал-губернаторства (западные территории бывшей Польши) из 361 000 военнопленных к 20 октября 1941 г. умерли 54 000. В лагерях, расположенных на территории Германии, свирепствовали тиф и дизентерия. Осенью 1941 года в лагере Берген-Бельзен находились 14 000 советских

⁵² Паникар М.М. Условия содержания советских военнопленных в Норвегии в годы Второй мировой войны // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №4. С.23.

военнопленных, зимой там вымерли почти все⁵³. Только на территории Польши захоронено 883 485 советских военнопленных, умерших в немецких лагерях. На ужасающее положение советских военнопленных обратили внимание даже руководители государственных учреждений. Имперский министр оккупированных восточных областей А. Розенберг в своем письме к Кейтелю от 28 февраля 1942 г. писал: «Участь советских военнопленных в Германии, напротив, является большой трагедией. Большая часть из них умерли от голода или погибли в результате суровых климатических условий. Тысячи также умерли от сыпного тифа. Начальники лагерей запретили гражданскому населению передавать заключенным пищу, они предпочитают обрекать их на голодную смерть. Во многих случаях, когда военнопленные не могли больше идти от голода и истощения, их расстреливали на глазах охваченного ужасом населения, а тела их не убирали. Во многих лагерях пленным не предоставляли вообще никакого жилища, они лежали под открытым небом во время дождя и снегопада. Им даже не давали инструментов для того, чтобы вырыть ямы или пещеры». Только когда советских военнопленных стали использовать в качестве рабочей силы, стало постепенно улучшаться питание. 24 октября 1942 года Верховное командование сухопутных сил принял новую директиву о нормах питания советских военнопленных. Однако в лагерях не всегда придерживались этой нормы питания. И только 26 июля 1944 г. нормы питания советских военнопленных были подняты до уровня нормы питания военнопленных других стран. Западные военнопленные всегда, когда была возможность, подкармливали советских пленным. Бывший военнопленный А. Пахомов вспоминает, как английские военнопленные в лагере Цейтхайн тайно помогали продуктами советским пленным, содержащимся в туберкулезном лазарете. В шталаге в Фаллингсболле французские военнопленные получили разрешение у немецкой комендатуры отдавать советским военнопленным часть продуктов из посылок, полученных ими из дома. В конце 1944 года ухудшилось питание во всех лагерях, западные военнопленные тогда жили только за счет снабжения их продуктами Красным Крестом (на деньги, выделяемые их родиной) и посылок из дома, а советские военнопленные не могли надеяться на какую-нибудь помощь извне.

Министерство информации и пропаганды Третьего Рейха в августе 1941 г. организовало поездку в лагерь, где находились советские военнопленные. Целью поездки было представить представителям округа Берлин «унтерменшей в натуре, чтобы показать, от какой опасности спасает их фюрер и Вермахт». Они посетили несколько лагерей. В Цайтхайне Геббельс побывал в двух бараках, где задавал несколько вопросов военнопленным. Когда он спрашивал о том, являются ли они большевиками, почти все отвечали «нет», а некоторые говорили «или мы должны быть

⁵³ Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти. Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA–PRES, 1994. – С.163-164.

большевиками, или вообще не быть». В отчете подробно описываются вопросы Геббельса и ответы военнопленных. Вопрос: «Знают ли они национал-социализм?» – ответ: «Это – партия в Германии», к тому же они заявляли, что фашизм – это дьявол. Вопрос: «Что вы знаете о Гитлере?» – ответ: «он – наследник кайзера». Вопрос: «Почему ваше правительство поддерживает евреев?» – ответ: «Правительство поддерживает все национальности»⁵⁴. Однако министр пропаганды не смог достичь желаемого результата, так как военнопленные оказались не агрессивными. В конце августа руководитель НСДАП Борман предпринял поездку в лагерь советских военнопленных. Его интересовала возможность демонстративного показа советских военнопленных на собрании НСДАП. Следовательно, лагерь для советских военнопленных были своего рода «испытательным полигоном», где проходила проверку человеконенавистническая идеология нацизма.

Гитлеровцы широко использовали в своей пропаганде тезис о предательстве советской властью своих солдат, оказавшихся в плену. И эта пропаганда имела определенный успех. Ее воздействие особенно усиливал эффект контраста в крупных шталагах Германии, где по соседству с советскими пленными размещались французы, югославы, англичане и американцы, получавшие помощь по линии Красного Креста и сравнительно неплохо чувствовавшие себя в неволе. Проблема размещения военнопленных, эвакуация в тыловые районы, распределение по лагерям было в целом возложено на Верховное командование сухопутных сил.

Однако, истребляя советских военнопленных с позиции идеологического противостояния, руководство нацистской Германии учитывало также и возможность трудоустройства военнопленных. Еще 28 марта 1941 г. на совещании в штабе 9-армии было принято решение создать из военнопленных уже в районе боевых действий строительные, дорожно-строительные батальоны и батальоны связи. Однако руководство Вермахта не спешило использовать военнопленных на предприятиях и других отраслях экономики. 29 июня 1941 г. всем инстанциям вооруженных сил на оккупированной территории СССР было направлено распоряжение Ставки Гитлера об использовании экономики оккупированных восточных областей. В распоряжении указывалось, что Г. Геринг ведает всеми мероприятиями, необходимыми для наилучшего использования обнаруженных запасов и производственных мощностей с целью укрепления экономической мощи Германии⁵⁵. Это распоряжение в какой-то мере имело отношение и к военнопленным, так как большие задачи, поставленные перед вермахтом и военными ведомствами, были выполнимы только в том случае, если будут возможности обеспечить экономику необходимой рабочей силой. 8 июля

⁵⁴ Bundesarchiv (Berlin), NS 18/271, Bd.4, Bl.3-4.

⁵⁵ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. – Т. 2. М.: Наука, 1973. – С.178.

1941 года Верховное командование Вермахта подготовило секретную инструкцию по использованию советских военнопленных: их необходимо привлекать к труду только на оккупированной советской территории. Трудоеmployование советских военнопленных на оккупированной территории осуществляется: в оперативной зоне – путем формирования рабочих команд для обеспечения снабжения в опорных пунктах, строительства дорог и мостов, сооружений для авиации и флота, а также для использования территории в интересах войск; в районах военного подчинения – командирами военнопленных в рамках русской экономики (промышленности и сельского хозяйства).

Советские военнопленные использовались также и в научных опытах. Научные опыты, считавшиеся важными для сохранения людских сил Вермахта, поощрялись нацистским руководством. Ученые, занимавшиеся проведением таких опытов, находили поддержку у самого Гиммлера. В июле 1942 г. был создан Институт военно-научных исследований, в институте было два отделения, руководимые докторами Рашером и Хиртом. Отделение Рашера занималось проведением экспериментов, позволяющих найти новые методы спасения немецких военнослужащих, пострадавших на фронте в экстремальных ситуациях. Рассказ свидетеля одного из таких научных экспериментов впоследствии был заслушан на заседании Нюрнбергского трибунала. Этот эксперимент проводился с целью выяснения наиболее эффективных методов оживления немецких военнослужащих, долгое время пребывавших в холодной воде. Свидетель рассказывал, как группа ученых проводила эксперимент: в лаборатории была ванна с ледяной водой, куда поместили двух пленных советских офицеров и держали их там до потери сознания, затем приводили их в чувство и опять погружали в воду, так продолжалось три часа. После очередной потери сознания их не приводили в чувство, и они погибли. Отделение Хирта занималось антропологическими исследованиями. Они вначале использовали трупы умерших в концлагерях пленных. Но потом получили разрешение использовать советских военнопленных еврейского происхождения, многих из них убивали только для того, чтобы пополнить коллекцию черепов⁵⁶.

Исполнение приказов и директив об уничтожении «идеологического противника» – советских военнопленных сопровождалось и проведением агитационных работ среди них. Немецкая пропаганда оказала определенное влияние на советских военнопленных, которые еще до начала войны знали о репрессиях. Однако сообщения немцев о том, что советское правительство считает всех военнопленных изменниками родины, и что уже издан приказ об аресте их родственников, затрагивали самую болезненную для советских военнопленных проблему. Приказ Ставки Верховного Командования

⁵⁶ Streim A. Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg: Berichte und Dokumente 1941-1945. – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1982. – S.74-78.

Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 г. является ярким примером противоправного отношения советской власти военнослужащим Красной Армии. Советское военное руководство старалось распространять на фронте сообщения об ужасах плена (конечно, многое из этих сообщений соответствовало действительности), НКВД пресекал любые слова или действия, которые могли бы подсказать красноармейцам мысль о предпочтении жизни в плену самоубийству, которое широко пропагандировалось как героизм. Так, 13 сентября начальник 6-отделения особого отдела НКВД 13-армии и начальник 2-отделения после проверки цензурой писем красноармейцев предписывали соответствующим органам дивизии взять в активную разработку красноармейца П. Гусева, так как он «восхваляет фашистов». На самом деле П. Гусев писал своим родным: «Некоторые товарищи со мной приехавшие уже частично ранены, часть убиты, а большая часть попали в плен. Например, из одной роты 2 убиты, 2 ранены и 47 человек взяли в плен немцы, накормили их и увезли на работу, ничуть их и не наказывают, как у нас об этом болтают. Писать пишу вам, но вы, не знаю, получите или нет. Вся беда – не хватает еды, иной день совсем без хлеба, картошка одна. Конечно, похудели, но говорить нельзя, грозят расстрелом...»⁵⁷.

В целом, советские военнослужащие были поставлены перед дилеммой: или застрелиться, чтобы не попасть в плен, или жить в немецком плену, проходить через все муки ада, потом снова пережить это в сталинских лагерях. Поэтому люди, чтобы сохранить жизнь искали другие пути, некоторые нашли выход – не возвращаться после войны на родину. Советские военнопленные использовали любую возможность для побега из плена. Примерно 50 тысяч советских офицеров и солдат, бежавшие из плена, стали активными участниками партизанского движения. В лагерях, где это было возможно, военнопленные создавали группы сопротивления.

Точную цифру советских воинов, оказавшихся в плену, установить практически невозможно: учет личного состава в Красной Армии в первый период войны, как и в дальнейшем, был налажен неудовлетворительно. От поименного учета потерь отказались еще в 1942 г. В том же году были отменены так называемые солдатские медальоны, которые и без того имел едва ли не один боец из двадцати. Наконец, командиры и штабы нередко записывали попавших в плен в графу «пропали без вести», ибо за них вышестоящие начальники спрашивали меньше, чем за попавших в плен. Но и такие донесения в условиях быстро меняющейся обстановки, особенно в первый год войны, поступали в Генштаб нерегулярно. Из окруженных частей и соединений они, нередко, вообще не направлялись, документы многих из них вообще не сохранялись, так что судьба тысяч солдат и офицеров неизвестна до сих пор.

⁵⁷ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 105823, Bd. 15.

Пленения огромной массы солдат и офицеров Красной Армии объясняется многими причинами:

1. Военно-стратегические причины: внезапность ударной мощи опытной, хорошо выученной и вооруженной немецкой армии, быстрое продвижение противника в глубь страны, крупные просчеты и ошибки военно-политического руководства советского государства, неготовность Красной Армии к оборонительной войне и ее плохая боеспособность, длительные отступления и огромные по масштабам окружения, тяжёлые условия войны, в которых оказались солдаты Красной армии (подавляющая часть пленных была захвачена в т. н. «больших котлах»), привели к тому, что крупные группы частей Красной армии, исчерпав все возможности к сопротивлению и лишённые всякой поддержки командования, попадали в плен⁵⁸.

2. Социально-политические причины: репрессивная политика советского государства вызывала значительное недовольство как среди населения СССР, в особенности крестьян, так и среди жителей вновь присоединённых территорий (Западная Украина, Прибалтика), отказывавшихся оказывать вооружённое сопротивление на стороне СССР и предпочитавших добровольно сдаваться в плен. Среди причин нехватки командного состава РККА и неадекватного уровня подготовки имевшихся кадров выделяют сталинские репрессии в Красной Армии 1937-1938 годов. Масштабные репрессии в отношении командования армии были восприняты потенциальным противником как его ослабление.

3. К субъективно-психологическим факторам, приведшим к попаданию в плен, относятся в первую очередь вызванные ситуацией, окружением: растерянность, паника, усугубленные слухами о предателях и шпионах. Много военнослужащих попадало в плен безоружными, без боеприпасов, будучи ранеными, контуженными, сбитыми во время воздушных боев, больными, лишенными продовольствия, отдыха, то есть оказавшимися в крайне сложной, безнадёжной и безвыходной обстановке, находясь в окружении, исчерпав все возможности дальнейшего сопротивления немецким войскам.

Таким образом, в первые месяцы войны на советско-германской линии фронта большое количество советских военнослужащих в следствие разного рода причин попали в окружение. Множество погибло, малые группы выбрались из окружения, некоторые стали партизанами, часть были захвачены в плен из-за катастрофической нехватки провианта, горючего и боеприпасов. Сведения об общем количестве попавших в плен, умерших в прифронтовой зоне и лагерях весьма противоречивы и до сих пор вызывают сомнения в их достоверности. При этом, советские военнопленные в нацистских концентрационных лагерях находились в тяжелейшем

⁵⁸ Шнеер А. Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941-1945. – Москва / Иерусалим: Гешарим, 2005. – С.112-127.

положении. Существующие нормы и положения международного права, а также общечеловеческие принципы гуманизма никоим образом не повлияли на отношение немецкого руководства к захваченным в плен красноармейцам.

Отношение к военным, попавшим в плен

Сущность отношения советского руководства к собственным солдатам и командному составу, попавшим в плен, была изложена еще в довоенном законодательстве.

Проблема плена встала перед большевиками еще в годы гражданской войны, когда пройти «фильтрацию» должны были «военнопленные из числа бывших красноармейцев»⁵⁹. Военнослужащие царской армии по возвращении из плена в советскую Россию также подвергались проверке и усиленной идеологической обработке. К офицерам относились жестче, чем к рядовым.

Советские законы и практика правосудия имели обвинительный характер в отношении добровольно сдавшихся в плен военнослужащих. Так, статья 193 Уголовного Кодекса РСФСР 1926 года и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик предусматривали уголовную ответственность за сдачу в плен, не вызывавшуюся боевой обстановкой - расстрел с конфискацией имущества»⁶⁰. Кроме того, согласно статье 22 «Положения о воинских преступлениях» от 27 июля 1927 года, высшая мера наказания (расстрел) с конфискацией имущества предусматривалась за сдачу в плен, не вызванную боевой обстановкой, а также переход на сторону врага⁶¹.

Следует отметить, что по существовавшему советскому законодательству только сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, считалась тяжким воинским преступлением и, согласно ст. 22 «Дополнения о воинских преступлениях» (ст. 193-22 УК РСФСР), каралась высшей мерой наказания - расстрелом с конфискацией имущества. Законодательством также предусматривалась уголовная ответственность совершеннолетних членов семей военнослужащего лишь за прямой переход на сторону врага, бегство за границу (ст. 51-1 «б», 58-1 «в» УК РСФСР). Таким образом, военнослужащие, попавшие в плен по независящим от них обстоятельствам,

⁵⁹ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – С. 56; Альбов В.Ю. Советские пленные второй мировой войны (по архивным материалам Нижегородской области): дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 2004. – С. 109.

⁶⁰ Уголовный Кодекс РСФСР 1926 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов // Электронный ресурс. <https://docs.cntd.ru/document/901757374>.

⁶¹ Положение о воинских преступлениях, утвержденных и введенных в действие постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР, Совет народных комиссаров СССР от 27 июля 1927 года // Электронный ресурс. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3325.htm

в условиях, вызванных боевой обстановкой, по закону не подлежали привлечению к ответственности. В отношении материального обеспечения, выдачи пособий и оказания льгот членам семей военнослужащих, попавших в плен, законодательство также не предусматривало никаких ограничений.

27 июля 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли новое «Положение о воинских преступлениях», статья 22 которого практически полностью повторяла статью 193 УК РСФСР 1926 года⁶². При этом в комментариях к статье 22 «Сдача в плен» указывалось: «Каждый военнослужащий обязан выполнить свой воинский долг согласно данному им торжественному обещанию (красная присяга), не щадя своих сил ни самой жизни». Однако в некоторых случаях обстановка на поле боя может сложиться так, что сопротивление станет невозможным, а гибель собственных бойцов бесцельной. В подобных случаях сдача в плен рассматривалась как допустимый акт, который не вызовет судебных преследований. Статья 22 рассматривала как преступление лишь такую сдачу в плен, которая не была вызвана боевой обстановкой, т. е. сдачу в плен с целью избежать риска, связанного с нахождением в рядах бойцов (быть убитым, раненым и т. п.)⁶³.

Уже в 1930-е гг. в атмосфере всеобщей подозрительности постепенно стало оформляться негативное отношение к военному плену, как и многие соответствующие ему стереотипы. Официально провозглашалось, что бойцы и командиры Красной армии в плен не сдаются. Считалось, что красноармейцы должны драться до последнего и тем самым до конца выполнить свой долг перед страной. Фактически ничто, в том числе и угроза смерти, не могло заставить военнослужащего сдаться в плен⁶⁴.

В годы большого террора бывших пленных затронули немецкая и польская операции НКВД. Однако они не были первоочередными целями чисток или большого террора. В глазах органов госбезопасности пленные были не идеологическими противниками, а удобным в плане оформления следственных дел контингентом для репрессирования в условиях расширяющихся национальных операций.

В конце 1930-х гг., военный конфликт СССР с Японией завершился подписанием соглашения, которое включало в себя обмен военнопленными. Советская сторона получила обратно 89 военнослужащих. Формально бывшие пленные не считались арестованными, но содержались в Чите в казармах под охраной. На высшем уровне было решено создать комиссию для разбирательства с каждым отдельным пленным, ключевую роль в которой играли работники политорганов. Позиция их представителей

⁶² Положение о воинских преступлениях 1927 г. // Уголовное законодательство СССР и союзных республик: сборник / под ред. Д.С. Карева. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. – С. 14-23.

⁶³ Змиев Б. Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г.: текст и комментарий. – М.: Изд-во Наркомюста, 1928. – С. 52.

⁶⁴ Галицкий В. П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Государство и право. 1990. № 4. С. 126.

сводилась к тому, что «нет ничего позорнее, как сдаться в плен живым. Плен – это измена Родине, предательство, нарушение присяги, за что каждый карается со всей строгостью революционной законности»⁶⁵. Однако выводы комиссии были серьезно отредактированы корпусным комиссаром, смягчившим ряд формулировок (принципиальная замена «сдался в плен» на «взят в плен»), самостоятельность проявил и Военный трибунал Забайкальского военного округа. В итоге 8 человек были расстреляны, 30 приговорены к лишению свободы в ИТЛ (от 5 до 10 лет), 5 оправданы военным трибуналом, оставшиеся 51 человек не подверглись судебному преследованию. В их отношении были применены репрессии по партийной линии, также всех бывших в плену командиров наземных частей уволили из армии.

Усиление темы плена в пропаганде было вызвано неудачами СССР в войне с Финляндией. Филтрация вернувшихся в СССР пленных Зимней войны началась сразу же после пересечения советской границы. По мнению ответственного секретаря Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий В. Наумова, отношение советского руководства к военным служащим Красной армии, оказавшимся в плену, определилось еще в 1940 г., по окончании советско-финской войны, когда значительная часть из 5,5 тыс. пленных после годовой проверки была осуждена. Все они были направлены в спецлагерь, созданный в поселке Южа Ивановской области. Лагерь, обнесенный колючей проволокой, охранялся конвойными войсками НКВД. Заключение в нем были лишены права переписки, свидания с родными и близкими. Место пребывания держалось в строгом секрете⁶⁶.

Допросы окончательно были завершены в течение лета и осени 1940 г. (по другим данным проверка длилась почти год, но, скорее всего, это касалось отдельных лиц). После того как дела бывших военнопленных были отправлены Особому совещанию в Москву, оттуда через несколько недель для каждого пришло решение: «За сдачу в плен белофиннам направить в трудовые-исправительные лагеря на ...» Одни получили 8 или 10 лет лишения свободы, некоторые 5 и очень немногие – 3 года⁶⁷.

Бойцы Красной армии, попавшие в плен к финнам и обвиненные в нарушении воинской присяги, отправлялись в северные лагеря для «трудового воспитания». Издевательства и глумление над людьми, начало которым было положено в Южском лагере, продолжались.

Военнопленных, приговоренных к разным срокам заключения и осужденных «за сдачу в плен белофиннам», завозили в Воркутлаг ГУЛАГа

⁶⁵ Свойский, Ю.М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен / Ю.М. Свойский. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. – 318 с.

⁶⁶ Наумов В. П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92

⁶⁷ Росси Ж. Справочник по ГУЛагу: в 2 ч. – М.: Просвет, 1991. – Ч. 2. – С. 321.

НКВД СССР и Норильский лагерь. Среди них были представители рядового, сержантского и командного состава, которые получили среди заключенных иронические прозвища «солдатики» и «герои финского плена». Большинство из прибывших было направлено на строительство воркутинских шахт и железной дороги Котлас–Воркута, часть попала на шахты Норильска.

В Воркутинском лагере к бывшим военнопленным применили общий тюремный режим, одели в арестантскую одежду и направили на работы, выдавая пайки по нормам заключённых. Вскоре среди прибывших начались цинга и туберкулёз. Лишь немногим удалось вырваться из воркутинских лагерей досрочно. Когда в 1941 г. в лагерях стало известно о нападении Германии на СССР, выжившие военнопленные подали заявления с просьбой о направлении их в действующую армию. Остальные военнопленные – участники советско-финской войны вышли на свободу в течение 1945–1948 гг.⁶⁸

До смерти Сталина все освобождённые пленные находились под негласным надзором властей. В конце 50-х годов уцелевшие военнопленные – участники финской войны были реабилитированы. Каждому из них вручили справку, где указывалось, что постановление Особого совещания НКВД СССР 1940 г. отменено и уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления⁶⁹.

Таким образом, история советских военнопленных, ставших жертвами сталинской тоталитарной системы, свидетельствует, что крупные неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. были списаны на тех, на ком не было никакой в этом вины. Налицо было отсутствие желания объективно и беспристрастно, на основании закона разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведения в плену. Отношение государства и его высокопоставленных руководителей к военнослужащим, попавшим в финский плен, поражает своей антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни. Судебные решения выносились заочно Особыми совещаниями, без предъявления обвинения и судебного разбирательства. В финскую же войну был первый опыт: судить наших сдавшихся пленников как изменников Родине. Незаконным осуждением значительной части оказавшихся в финском плену был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Второй мировой войны оказался в плену, но уже в немецком.

В схожем духе к началу 1940-х гг. юристами трактовались статьи УК РСФСР о плене. Предвоенные комментаторы не утверждали, что всякое попадание в плен равно предательству, но и не акцентировали внимание на

⁶⁸ Бичехвост А.Ф. Репрессивная политика советского государства и судьбы военнопленных Красной армии участников советско-финской войны 1939-1940 годов // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. №4. – С.99-107

⁶⁹ Степаков В. Финляндия – Воркута и далее по всему Гулагу // Парламентская газета. 2005. 1 декабря.

возможности не понести наказания. Все перечисленные в статье 193-22 проступки (в том числе сдача в плен, не вызванная боевой обстановкой), как отмечали юристы, «являются тяжкими нарушениями воинской присяги» и должны «квалифицироваться как измена Родине (ст. 58-1б) и влечь высшую меру наказания»⁷⁰.

В 1940 г. в серии «Библиотечка красноармейца» вышла брошюра «Измена Родине – тягчайшее преступление»⁷¹. Плен в ней рассматривался только через призму «сдачи», которая «означает переход на сторону врага. Тот, кто из-за трусости сдается в плен, кто ставит сохранение своей жизни выше интересов Родины и нарушает воинскую присягу, тот предатель и изменник». Получалось, что советский военнослужащий мог попасть в плен, но только в беспомощном состоянии, и при появлении первой же возможности обязан был продолжить борьбу с врагом.

В СССР военнопленные в годы Второй мировой войны ассоциировались с понятиями «изменники», «предатели», «враги народа». Объективно, в силу тяжелой обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену. Многие попадали в плен ранеными и контуженными. Следовательно, военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, не зависящих лично от военнослужащего, не должен был нести уголовную ответственность, так как в его действиях отсутствовал состав преступления.

Однако, в соответствии с идеологическими установками, пленение военнослужащего Красной Армии советское политическое руководство рассматривало как преднамеренно совершенное преступление, независимо от обстоятельств, в результате которых это произошло.

Под подозрение попали все военнослужащие и гражданские лица, оказавшиеся даже на непродолжительное время за линией фронта. В измене и предательстве Родины подозревались бойцы и командиры, которые, рискуя жизнью, в тяжелейших условиях пробивались с боями на соединение с Красной Армией. Одиночек и небольшие группы окруженцев встречали как вполне вероятных изменников Родины. Каждый перешедший линию фронта проходил и фильтрацию, которая осуществлялась Особыми отделами НКВД.

Статьи Уголовного кодекса, касающиеся воинских преступлений, носили ярко выраженный обвинительный характер. Военнослужащих, пробивавшихся в одиночку или малыми группами на соединение с частями Красной Армии, судили по статьям 193-7, 193-8, 193-9 Уголовного кодекса

⁷⁰ Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. – М.: Юрид.изд-во НКЮ, 1941. – С. 233.

⁷¹ Измена Родине – тягчайшее преступление. – М.: Воениздат, 1940. – С. 8, 13–14

РСФСР, т.е. как за самовольное оставление части или места службы, за побег из части, за самовольное оставление части в боевой обстановке.

Большая часть офицеров, вышедшая из окружения, была осуждена военными трибуналами по статье 193-21 за «самовольное отступление начальника от данных ему для боя распоряжений, в целях содействия неприятелю».

Расширялась практика заочного осуждения военнослужащих, находившихся за линией фронта, как изменников Родины. Достаточным основанием для такого решения были полученные оперативным путем сведения об их якобы антисоветской деятельности. Вердикт выносился без всякой проверки, иногда лишь по одному заявлению.

Наиболее чудовищным преступлением был изданный 28 июня 1941 г. совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР. Он предусматривал привлечение к ответственности членов семей заочно осужденного изменника Родины либо через Военные трибуналы, либо через Особые совещания при НКВД СССР. В этот же день НКГБ и НКВД специальным документом уточнили порядок ссылки в отдаленные районы членов «семей изменников Родины».

В постановлении Государственного комитета обороны от 16 июля 1941 г. № 169 «О строжайшем пресечении в Красной армии нарушений воинской дисциплины и о предании суду Военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала Павлова Д.Г. и отдельных лиц из командного состава Западного, Северо-Западного и Южного фронтов»⁷², военно-политическое руководство потребовало от командиров и политработников всех степеней, чтобы они расправлялись со всеми паникёрами, трусами и дезорганизаторами как с нарушителями Присяги и изменниками Родины.

Принятое постановление ужесточало репрессии, санкционировало внесудебные расправы. В постановлении указывалось: «Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия... или часть красноармейцев [которые] вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен - уничтожать их всеми средствами... а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи» (приказ подписал Сталин и еще шесть лиц). Как видно, принятые в их развитие приказы и инструкции НКВД - НКГБ до крайности ужесточили эти требования, особенно в отношении членов семей военнослужащих, по тем или иным причинам, оказавшимся в плену. В измене и предательстве подозревались военнослужащие, которые, рискуя жизнью, в тяжелой обстановке пробивались с боями на соединение с Красной Армией, и даже те, кто на непродолжительное время оказался за линией фронта.

⁷² Постановление ГКО от 16 июля 1941 г. № 169 «О строжайшем пресечении в Красной армии нарушений воинской дисциплины и о предании суду Военного трибунала бывшего командующего Западным фронтом генерала Павлова Д.Г. и отдельных лиц из командного состава Западного, Северо-Западного и Южного фронтов» // РГАСПИ, Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 95-96.

11 августа 1941 г. председателем Государственного комитета обороны И.В. Сталиным подписано постановление № 460 «О порядке ареста военнослужащих»⁷³, где установлены порядок ареста военнослужащих путём согласования их с военным командованием, что грубо противоречит статье 127 Конституции СССР 1936 года, провозгласившей гражданам СССР неприкосновенность личности, гарантировавший, что никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора. Иной порядок ареста граждан СССР или всякое согласование ареста людей с военным командованием не предусмотрено и является незаконным.

Определявший политику в отношении пленных Сталин в 1941 г. оказался в непростой ситуации после того, как в плен попал его сын Яков Джугашвили. Теперь любая рациональная мера, направленная на помощь военнопленным или снижение недоверия к бывшим в плену, могла быть воспринята как его слабость. Вскоре после появления немецких пропагандистских листовок с военнопленным Джугашвили 16 августа 1941 года вышел печально известный приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270.

В соответствии с приказом командиры и политработники, срывающие знаки различия и сдающиеся в плен, объявлялись дезертирами, а их семьям грозил арест, государственного пособия и помощи лишались командиры и группы красноармейцев, сдавшихся врагу, не исчерпав все средства к сопротивлению. Приказ призывал «драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим». Согласно пункту 1 вышеназванного приказа, бойцы и командиры Красной Армии, в силу сложившихся обстоятельств, прекративших сопротивление и сдавшихся врагу, незаконно было объявлено дезертирами и предателями, и они были подвергнуты к уголовному преследованию и осуждению. Также репрессивные меры были применены против семей и родственников военнослужащих Советской армии, оказавшихся в плену⁷⁴.

В изменившихся условиях конца декабря 1941 г., когда Красная армия перешла в стратегическое контрнаступление под Москвой и на других направлениях, ГКО принял постановление № 1069сс, в соответствии с которым все военнослужащие, бывшие в окружении или в плену, проходя через армейские сборно-пересыльные пункты, поступали в спецлагеря НКВД на проверку⁷⁵. В соответствии с этим же Постановлением перевозка контингента до спецлагерей была возложена на Управление военных сообщений НКО, за конвоирование и охрану лагерей отвечали войска НКВД

⁷³ Постановление Государственного Комитета Обороны «О порядке ареста военнослужащих». 11 августа 1941 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 7. Л. 150.

⁷⁴ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 270 об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия. 16 августа 1941 г. // 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. – СПб.: ФГБУ, 2011. – С. 476-479.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 29

СССР. К февралю 1942 г. на территории СССР было создано 19 спецлагерей НКВД СССР.⁷⁶

Причем проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы: 1) военнопленные и окруженцы; 2) рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности; 3) гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником⁷⁷.

Численность военнослужащих Красной Армии, отступающих с фронта в разрозненном порядке, росла. Каждый военнослужащий, выходивший из окружения, совершивший побег из плена или освобожденный Красной Армией и союзниками по антигитлеровской коалиции, огульно подвергался проверке, граничившей с политическим недоверием. К нему применялись меры, унижавшие личное достоинство и препятствовавшие дальнейшему использованию в армии. Лиц, в отношении которых не было установлено компрометирующих материалов, передавали в военные комиссариаты по территориальности. Материалы на выявленных шпионов, изменников Родины и дезертиров передавались для осуждения в Военные трибуналы. Только по официальным данным, за годы войны и по ее окончании более 233 тыс. человек⁷⁸, скомпрометировавших себя в плену, были осуждены на пребывание в лагерях НКВД.

Это постановление официально провозглашало новую линию в отношении бойцов и командиров, оказавшихся в плену или в окружении. Условия содержания бывших военнопленных в сборно-пересыльных пунктах и специальных лагерях НКВД были установлены такие же, - как для преступников, содержащихся в исправительно-трудовых лагерях. В обиходе и документах их именовали «бывшими военнослужащими» или «спецконтингентом», хотя в отношении этих лиц никаких судебных и административных решений не принималось. «Бывшие военнослужащие» лишались прав и преимуществ, полагавшихся за воинские звания, выслугу лет, а также денежного и вещевого довольствия. Им запрещалось переписка с родными и близкими. Пока проводились проверки, «спецконтингент» привлекался к тяжелому принудительному труду на рудниках, лесозаготовках, строительстве, в шахтах и металлургической промышленности. Им устанавливались предельно высокие нормы выработки, формально начислялась незначительная зарплата. За невыполнение задания и за малейшие проступки их подвергали наказанию как заключенных ГУЛАГа.

⁷⁶ Смыкалин А.С. Колонии и тюрьмы в советской России. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – С.52.

⁷⁷ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4.

⁷⁸ Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 463–464.

Указанные документы грубо противоречило требованиям Конституции Союза Советских Социалистических Республик 1936 года, гарантировавшие гражданам основные права, в том числе права на жизнь и на справедливое правосудие и статье 102 указанной Конституции, согласно которой правосудие осуществляется только судами.

Для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника», создается сеть специальных лагерей. В 1942 г. кроме существовавшего ранее Южского спецлагеря было создано еще 22 лагеря в Вологодской, Тамбовской, Рязанской, Курской, Воронежской и других областях. Они «обслуживали» различные участки советско-германского фронта. 13 января 1942 г. Нарком внутренних дел СССР Л. Берия утвердил «Временную инструкцию о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника»⁷⁹.

Согласно этой инструкции, организация специальных лагерей была возложена на Управление НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (УПВИ НКВД СССР). Иными словами, военнослужащие Красной Армии, побывавшие в плену или окружении, рассматривались партийно-государственным руководством как пленные солдаты вражеской армии. Практически эти специальные лагеря представляли собой военные тюрьмы строгого режима, причем для заключенных, которые в подавляющем большинстве не совершили каких-либо преступлений.

24 июня 1942 года Государственный комитет обороны принял Постановление № ГКО-1926сс «О членах семей изменников Родине»⁸⁰. По постановлению, совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым Совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик: за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на занимаемой ими территории и за попытку измены Родине и изменнические намерения, подлежали аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет. Членами семьи изменника Родине считались отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны. Не подлежали аресту и ссылке семьи тех изменников Родине, в составе которых после должной проверки будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказывавших в

⁷⁹ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 53.

⁸⁰ Постановление ГКО СССР № 1926 «О членах семей изменников Родине». 24 июня 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 72. Л. 95-96.

период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза.

Далее, указанная работа усилилась постановлением Государственного комитета обороны от 21 января 1943 г. № 2779 «О предоставлении права командующим фронтам использовать военнослужащих, бывших в плену и в окружении противника, для пополнения частей действующей армии»⁸¹.

Военные советы фронтов и армии, а также командиры воинских частей и соединений при освобождении городов и сёл от противника обязаны были выявлять и задерживать бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника и направлять их в данные сборно-пересыльные пункты.

Ввиду огромного количества бывших военнослужащих Красной Армии, выявленных на освобождённых от противника территориях, указанным постановлением ГКО работа по фильтрации распространилась и на сборно-пересыльные пункты армии и фронтов, в составе которых были созданы Особые отделы НКВД. Командующим фронтами предоставлено право использования бывших военнослужащих для пополнения частей действующей Армии после проведения надлежащей фильтрации (проверки).

Таким образом, освобожденные из вражеского плена или вышедшие из неприятельского окружения, а также оставшиеся на оккупированной территории советские бойцы и командиры проходили специальные мероприятия, получившие название фильтрации. Большинство советских военнослужащих успешно проходили спецпроверку и затем направлялись через военкоматы на фронт или передавались для работы в промышленности. Однако были и те, кто уличен в сотрудничестве с врагом и привлечен к уголовной ответственности.

В 1944 года резко увеличивается поток возвращающихся в Советский Союз военнопленных и репатриированных. Советским руководством перед НКВД, НКГБ и военной контрразведкой «СМЕРШ» была поставлена задача проверки каждого прибывающего. Речь шла уже не о десятках, а сотнях тысяч, миллионах граждан.

Летом 1944 года была разработана, а затем введена новая система фильтрации и проверки органами государственной безопасности всех возвращающихся военнопленных и репатриированных лиц. При этом режим проверки и фильтрации резко ужесточается.

После выхода Красной Армии к государственной границе на пограничной линии создавалась сеть контрольно-пропускных пунктов, а в приграничной полосе на советской территории - сеть проверочно-фильтрационных пунктов (ПФП). Специальным постановлением устанавливалось, что питание лиц, содержащихся на ПФП, осуществлялось

⁸¹ Постановление ГКО № 2779/сс командующим войсками фронтов о порядке пополнения частей действующей армии бывшими военнослужащими Красной Армии, находившимися в плену и окружении. 21 января 1943 г. // ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 107. Л. 97, 98.

по нормам ГУЛАГа. Доставка граждан в проверочно-фильтрационные пункты осуществлялась под конвоем войск НКВД. Они же и охраняли эти пункты. Во время прохождения фильтрационных мероприятий в ПФЛ спецконтингент привлекался к работам на предприятиях наркоматов НКВД СССР (угольная промышленность, черная металлургия и лесозаготовки).

Были организованы проверочно-фильтрационные комиссии из трех человек: из представителя НКВД, НКГБ и «СМЕРШ» под руководством представителя НКВД.

Возрастающий поток репатриантов, расширение масштабов проверки и ее ужесточение вскоре потребовали организации проверочно-фильтрационных лагерей. Создается особый Отдел спецлагерей НКВД СССР.

4 ноября 1944 года было издано постановление ГКО №6884с, установившее порядок направления бывших военнопленных – военнослужащих Красной Армии, поступающих после их освобождения советскими и союзными войсками⁸². Их направляли в специальные запасные части военных округов по назначению Главного управления НКО. После проверки органами контрразведки СМЕРШ бывшие военнопленные, вызывающие подозрение, немедленно направлялись в спецлагеря. Всех офицеров, находящихся в спецлагерях НКВД СССР, после проверки отправили на формирование штурмовых батальонов.

Это связано тем, что во второй половине 1944 г. боевые действия развернулись на территории стран Восточной Европы. В ходе проводившихся наступательных операций Красная Армия несла значительные потери в людях. В соответствии с постановлением ГКО, освобожденные из немецкого плена советские военнослужащие и гражданские лица призывного возраста, направлялись в запасные части, минуя спецлагеря. В запасных фронтовых и армейских полках новое пополнение после прохождения боевой подготовки и частичной, проверки направлялось в действующие стрелковые части. Всего за годы войны из числа ранее пропавших без вести и бывших в плену вторично было призвано более 1 млн. человек⁸³.

Испытав на себе все ужасы фашистского плена, бойцы пополнения беспощадно громили противника. До конца войны многие из них за мужество и героизм, проявленные в боях, были награждены орденами и медалями.

С конца 1944 и до середины 1950-х годов освобожденные из плена советские граждане были возвращены на Родину. Вот лишь некоторые данные, касающиеся вопросов репатриации бывших советских военнопленных и обращения с ними на Родине. По сведениям Управления

⁸² Постановление ГКО СССР № 6884 о порядке направления бывших военнопленных в части Действующей армии. 4 ноября 1944 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 411. Л. 49-50.

⁸³ Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии). – М.: Терра, 1995. – Т. 15. – С.148.

уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, на октябрь 1945 г. было учтено оставшихся в живых 2 016 480 освобожденных советских военнопленных, из них: 1 730 181 - в Германии и других странах и 286 299 - на территории союзных республик, находившихся под оккупацией.

По постановлению СНК СССР № 30-12с от 6 января 1945 г. «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан»⁸⁴ все репатрианты направлялись в сборно-пересыльные и проверочно-фильтрационные пункты НКВД СССР. Следует отметить, что многие понятия официальной статистики маскируют сугубо репрессивные мероприятия. Например, «передано в РККА» включает в себя и пополнение действующей армии, и передачу в состав «рабочих батальонов», и направление для проверки в специальные запасные воинские части, по характеру содержания и режиму работы полностью совпадающими с проверочно-фильтрационными лагерями НКВД.

В 1941-1945 гг. только военными трибуналами было осуждено 994270 человек, из них к расстрелу - 157593 человека⁸⁵.

Таким образом, отношение сталинского руководства к собственным военнопленным в значительной степени определялась той внутриполитической ситуацией, которая начала складываться в СССР в 1930-е гг. и на которую в значительной степени оказали влияние массовые политические репрессии, базировавшиеся не в последнюю очередь на практике уголовного осуждения граждан во внесудебном порядке.

Советское законодательство, предусматривало суровую уголовную ответственность за переход на сторону врага, преднамеренную сдачу в плен, за сотрудничество с врагом и за другие преступления, направленные против государства. При этом не проводилось принципиальной разницы между понятиями «сдаться» и «попасть в плен», не говоря уже о разнице между понятиями «сдаться добровольно», «перейти на сторону врага» или «сдаться вынужденно» по трагическому стечению обстоятельств.

Объективно, в силу тяжелой обстановки, сложившейся в начале войны на ряде фронтов, значительное число советских военнослужащих нередко попадало в составе целых подразделений и частей в окружение и, исчерпав все возможности к сопротивлению, вопреки своей воле, оказалось в плену. Многие попадали в плен ранеными и контуженными. Следовательно, военнослужащий, попавший в плен вследствие ранения, контузии, внезапного захвата и при других обстоятельствах, не зависящих лично от военнослужащего, не должен был нести уголовную ответственность, так как в его действиях отсутствовал состав преступления.

⁸⁴ Постановление СНК СССР № 30-12с «Об организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР из Германии и оккупированных ею стран». 6 января 1945 г. // ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 106. Д. 125. Л. 65-67.

⁸⁵ Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91-112.

Однако фактически расследования по этим делам проводились очень поверхностно. Преобладала практика заочного осуждения военнослужащих, находившихся за линией фронта, как изменников Родины. Достаточным основанием для такого решения были полученные оперативным путём сведения об их якобы антисоветской деятельности. Вердикт незаконно выносился без всякой проверки, иногда лишь по одному заявлению. Судьба тысяч пленных была переопределена, а последующие действия вполне объяснимы. Это было чудовищно не только в юридическом, но и в нравственном отношении.

Судьба советских военнопленных стала одной из драматических страниц истории Второй мировой войны. Пережив муки нацистских лагерей, испытав нечеловеческие лишения, они априори попадали в категорию лиц, подозреваемых в сотрудничестве с врагом, и проходили сложную процедуру проверки после возвращения на Родину. Многочисленные документы, свидетельские показания говорят о том, что попавшие в плен бойцы и командиры Красной Армии страдали не только в условиях неволи. На Родине они несправедливо рассматривались как трусы и предатели. Это усугубляло их трагедию.

Нормативно-правовые акты, послужившие основанием для государственного преследования и политических репрессий военнопленных

С капитуляцией Германии репатриация военнопленных превратилась в международно-политическую проблему. Нужны были соответствующие международно-правовые акты, закреплявшие основы репатриационного процесса. Это было особо значимо потому, что несколько тысяч граждан различных стран, в том числе и СССР, которые сотрудничали с оккупантами, воевали на их стороне и совершали военные преступления, а также по другим причинам, добровольно возвращаться на родину не желали.

Советские военные органы репатриации, действующие на территории Германии, преследовали две важнейшие задачи:

1. Возврат абсолютно всех без исключения граждан СССР, если потребуется даже в принудительном порядке.
2. Не допустить появления новой, негативно настроенной советскому строю волны послевоенной эмиграции.

Число советских военнопленных, освобожденных войсками союзников по мере их наступления во Франции, быстро увеличивалось. Союзное командование принимало меры, чтобы переправить их в Англию и содержать их в лагерях отдельно от немецких пленных. Частично они эвакуировались в Канаду и США. После завершения Крымской конференции началась массовая отправка советских военнопленных на родину по двум маршрутам: через Средиземное море в Одессу и по Баренцеву морю в Мурманск. С конца 1944 и до середины 1950-х гг. освобожденные из плена советские

военнопленные были возвращены на Родину. По сведениям Управления уполномоченного Совнаркома СССР по делам репатриации, на октябрь 1945 г. было учтено оставшихся в живых 2 016 480 освобожденных советских военнопленных, из них: 1 730 181 – в Германии и других странах, 286 299 – на территории союзных республик, находившихся под оккупацией.⁸⁶

Возвратившиеся из немецкого плена советские военнослужащие, сталкивались с ущемлением своих прав. На местах к ним относились как к предателям. В соответствии с объявленной 7 июля 1945 года амнистией военнопленные рядового и сержантского состава демобилизуемых возрастов должны были возвратиться домой после соответствующей проверки⁸⁷. Однако во многих случаях в результате применения при специальной проверке незаконных провокационных методов следствия добывались фальсифицированные показания. По результатам первой проверки, как гласит статистика, осуждено было более 10% из общего числа содержащихся в проверочно-фильтрационных лагерях и пунктах.

Многие военнопленные осуждались как изменники Родины за то, что они выполняли в плену обязанности врачей, санитаров, переводчиков, поваров, кладовщиков и различные работы, связанные с бытовым обслуживанием самих военнопленных.

Большая группа военнопленных была осуждена или получила сроки заключения по решению Особого совещания НКВД СССР на основании того, что они оказались по окончании войны в американских, английских, французских зонах оккупации Германии, а также в Англии. Компрометирующие материалы - клеветнические показания, часто сфальсифицированные следователями, были основанием для осуждения на значительные сроки лишения свободы и направления на спецпоселение.

В конце июля 1945 г. был издан приказ НКВД СССР «Об объявлении инструкции о порядке учета и регистрации репатриированных советских граждан»⁸⁸. Согласно этой инструкции все репатрианты, военнопленные и гражданские лица рассматривались как враги государства. Ограничивались районы постоянного проживания репатриантов, категорически запрещалось направлять их на место жительства в Москву, Ленинград, Киев и населенные пункты, находящиеся в режимной зоне этих городов. В каждом районе создавалась проверочно-фильтрационная комиссия, которая осуществляла регистрацию и проверку каждого репатрианта. К лету 1945 г. действовало 43 спецлагеря, 26 проверочно-фильтрационных лагерей, дислоцированных на

⁸⁶ Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944-1953 гг. – М.: Фокус, 2001. – С. 113-180; Шевяков А.А. Тайны послевоенной репатриации // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – С. 9.

⁸⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии в связи с победой над гитлеровской Германией. 7 июля 1945 г. // «Правда», № 162, 8 июля 1945 г.

⁸⁸ Великая Отечественная война 1941-1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн./ Глав. ред. комис.: В. А. Золотарев и др. Кн.4: Народ и война. – Москва : Наука, 1999. – С.184.

территории СССР, 74 проверочно-фильтрационных лагеря, 22 сборно-пересыльных пункта – на территории Германии и в странах Европы⁸⁹.

Вернувшимся к месту жительства репатриантам выдавалось специальное удостоверение вместо паспорта и запрещался выезд в другие районы и области. Все прибывшие репатрианты ставились на оперативный учет в органах НКВД. При регистрации репатрианты подвергались дактилоскопированию. На оперативный учет ставился каждый репатриант даже при полном отсутствии на него компрометирующих материалов. В местные органы безопасности передавался материал для агентурной разработки и дальнейшего поиска на репатриированных компрометирующих данных. По материалам агентурной разработки следовал новый арест и передача [репатрианта] следственным органам. Чаще всего дополнительным материалом оказывались показания бывших военнопленных или депортированных лиц, добытых следователями преступным путем: шантажом или насилием. Вместе с осужденным почти всегда репрессировались близкие родственники.

Для прошедших проверки спецлагерей НКВД унижения и издевательства не кончались за воротами лагерных барачков. На каждого из прошедших спецпроверку были заведены досье, включавшие учетную карточку, фильтрационные документы с агентурными материалами, негласными допросами свидетелей и т.д. Все эти документы были направлены из фильтрационных лагерей в местные органы МГБ для оперативного использования, для дальнейшей «разработки» учтенного контингента. Без санкции органов МГБ ни один стоящий на оперативном учете не имел права покидать место жительства. За самовольный отъезд следовала строгая кара и немедленное возвращение на прежнее место жительства.

«Разработка» на языке карательных органов означала поиск компрометирующих материалов на лиц, побывавших в плену. Целые службы этих органов были заняты такой работой. Из центра следовали указания о ее активизации. Местные органы, исполняя эти директивы, пускали в ход все методы, в том числе и недозволенные, для поиска компрометирующего материала. Не прекращающаяся оперативная «разработка» МГБ бывших военнопленных влекла за собой новые аресты, пополнение ГУЛАГа новыми узниками.

В полной мере они испытали на себе, на членах своей семьи ограничения в праве на профессию, на получение образования, на общественную деятельность, на выбор рода занятий, места жительства и передвижения. Режим отчуждал их от общества, закрывал дорогу в будущее.

⁸⁹ Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 91–112.

Преследование военнопленных не ограничилось первыми послевоенными репрессиями. Непосредственно «разработкой» бывших военнопленных и репатриантов занимались контрразведывательные подразделения НКВД-НКГБ и армейская контрразведывательная служба – «СМЕРШ». Они были ориентированы на то, что именно среди бывших военнопленных и репатриантов следует искать врагов советского государства, агентов вражеских спецслужб.

Изучение правоприменительной практики карательных органов СССР и Казахстана показывают, что репрессиям подвергались и те военнопленные, которые не состояли ни в каких военных и других организациях гитлеровской Германии.

Наряду с разоблачением значительного числа людей, действительно совершивших преступления, в результате применения незаконных, провокационных методов следствия было необоснованно репрессировано немало военнослужащих, честно выполнивших свой долг и ничем не запятнавших себя в плену. Лиц, которые работали в немецких лагерях врачами, санитарями, были старшими бараков, поварами, переводчиками, кладовщиками, занимались бытовым обслуживанием, - часто осуждали как изменников Родины. Семьи военнослужащих, субъективно отнесенных к добровольно сдавшимся немцам, без учета причин пленения незаконно лишались на весь период войны государственных пособий и льгот.

Репрессиям подвергались и группы военнопленных, включённых в невооруженные организации Германии, то есть рабочие батальоны, которых немцы использовали во вспомогательных и тыловых работах.

Большая группа военнопленных была осуждена или получила сроки заключения по решению Особого совещания НКВД СССР на основании того, что они оказались по окончании войны в американских, английских, французских зонах оккупации Германии, а также в Англии. Компрометирующие материалы - клеветнические показания, часто сфальсифицированные следователями, были основанием для осуждения на значительные сроки лишения свободы и направления на спецпоселение.

18 августа 1945 года ГКО принял постановление «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена и репатриантов призывного возраста».⁹⁰ По этому постановлению все военнопленные и гражданские репатрианты призывных возрастов, даже если на них не было никаких компрометирующих материалов, сводились в «рабочие батальоны НКО» и в порядке наказания направлялись для постоянной работы на предприятиях в восточных районах страны и на Крайнем Севере. В осуществлении репрессий практически не

⁹⁰ Постановление ГОКО № 9871с «О направлении на работу в промышленность военнослужащих Красной Армии, освобожденных из немецкого плена, и репатриантов призывного возраста». 18 августа 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 533. Л. 43-46.

было различия в отношении к бывшим военнопленным, репатриантам и «легионерам».

В тот же день СНК СССР принял постановление о направлении на спецпоселение сроком на 6 лет бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, служивших в немецкой армии, в специальных вражеских формированиях, в полиции, и власовцев. Их также отправляли на стройки, главным образом в отдаленные районы на самые тяжелые работы.

Следует отметить, что данное постановление имело двусмысленную формулировку, определявшую категорию лиц, подлежащих наказанию: «Бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях». Строго говоря, эта формулировка должна была охватывать только тех военнопленных, которые служили в немецких строевых формированиях. Однако на деле - и этому давала основание двусмысленная формулировка, - репрессиям подвергались и те военнослужащие Красной Армии, которые попали в плен к немцам. Для советского руководства и те, и другие представляли собой всего лишь «спецконтингент».

7 февраля 1948 года министры госбезопасности В. Абакумов и внутренних дел С. Круглов обратились в ЦК ВКП(б) к Сталину с разработанным по его указанию проектом постановления ЦК ВКП(б) о передаче из МВД в МГБ СССР всей работы по административно-ссылным и высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи⁹¹. В этом письме указывалось на необходимость усиления Министерством государственной безопасности агентурного наблюдения и гласного надзора за ссылными и высланными, расширения и углубления оперативной работы по выявлению среди спецпоселенцев вражеских элементов. Это было прямое поручение на усиление репрессий среди спецпоселенцев и бывших военнопленных.

С принятием в 1948 году Указа Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников для отбывания наказаний в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР» началась вторая волна репрессий в отношении военнопленных, поскольку они были включены в число «особо опасных преступников»⁹².

Постановлением Совета Министров СССР на МВД СССР была возложена организация особых лагерей в районе Колымы, на Дальнем Востоке, Норильске, Коми АССР, в районе Караганды и в Темниках Мордовской АССР для содержания особо опасных преступников. В числе

⁹¹ Приказ МВД СССР и МГБ СССР № 00250/0099 «О передаче из МВД в МГБ СССР работы по административно-ссылным и высланным за вражескую деятельность и антисоветские связи». 9 марта 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. 2. 1948 г. Л. 3 и об.

⁹² Указ Президиума Верховного Совета СССР «О направлении особо опасных государственных преступников по отбыванию наказания в ссылку на поселение в отдаленные местности СССР». 21 февраля 1948 г. // ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 345. Л. 53—54.

этой категории осужденных были и военнопленные как шпионы, диверсанты, участники антисоветских организаций.

По своему смыслу этот пакет документов, принятых 21 февраля 1948 года, как и последующие ведомственные документы, был направлен на прямое уничтожение или, как минимум, на полную изоляцию людей, входящих в состав упомянутого выше контингента. Эти документы открывали органам МГБ и на местах возможность осуществления неоправданных репрессий в адрес бывших советских репатриантов, находившихся в МГБ на оперативном учете как «подозрительные по своим антисоветским связям».

Придавленные произволом бывшие военнопленные и репатрианты надеялись найти защиту в центральных органах власти, полагая, что поправление существовавших законов лишь дело рук местных органов власти и хозяйственников.

В 1951 году истек срок спецпоселения для «бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях», направленных на поселение в соответствии с постановлением ГКО от 18 августа 1945 года. Данное постановление о репрессиях в отношении репатриантов из Германии имело двусмысленную формулировку, определявшую категорию лиц, подлежащих наказанию: «Бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служивших в немецких строевых формированиях»⁹³. Строго говоря, эта формулировка должна была охватывать только тех военнопленных, которые служили в немецких строевых формированиях. Однако на деле – этому давала обоснование двусмысленная формулировка, – репрессиям подвергались те военнослужащие Красной Армии, которые попали в плен к немцам.

Такая уловка авторов Постановления имела определенную цель. Впоследствии стало ясно, что в Постановлении ГКО имелись в виду две группы военнослужащих: 1-я – те, кто попал в плен, и 2-я – те, кто, будучи в плену, поступили на службу в немецкие военные формирования. Обе эти группы военнослужащих подвергались наказанию согласно Постановлению ГКО от 18 августа 1945 г.

На основе Постановления Совета Министров СССР № 3857-1763сс от 7 октября 1951 г. на эту категорию спецпоселенцев была распространена действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».⁹⁴

⁹³ Великая Отечественная война 1941-1945: Воен.-ист. очерки: В 4 кн./ Глав. ред. комис.: В. А. Золотарев и др. Кн.4: Народ и война. – Москва : Наука, 1999. – С. 188.

⁹⁴ Постановление Совета Министров СССР № 3857—1763сс «О направленных по решению ГОКО от 18 августа 1945 г. № 9871 на спецпоселение сроком на 6 лет бывших военнослужащих и военнообязанных Красной Армии, попавших в плен к немцам и служащих в немецкой армии, в

В соответствии с данным постановлением были приняты меры, которые предусматривали оставление на вечное поселение народов, депортированных из европейской части страны в Сибирь: до окончания промышленного и горно-капитального строительства оставлялись на спецпоселения также лица, которые работали на предприятиях, связанных с производством атомного и ракетного оружия. Таким образом, в 1951 году открылась новая волна репрессий в отношении бывших военнопленных и гражданских лиц.

После смерти Сталина в 1953 году его преемники, прежде всего Н.С.Хрущев, инициировали серию реформ, которые оказали огромное влияние на будущее направление не только Советского Союза, но и социалистических государств Восточной Европы. Процесс десталинизации в этих странах означал освобождение и репатриацию сотен тысяч заключенных из трудовых лагерей, тюремных поселений и тюрем по всему региону, многие из которых стали жертвами террора, чисток и массовых репрессий, проводимых в сталинский период. Были созданы специальные комиссии для изучения существующих дел, связанных с политическими преступлениями.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии» были освобождены из мест заключения, осужденные за воинские преступления, предусмотренные ст.ст. 193-4 п. «а», 193-7, 193-8, 193-10, 193-10а, 193-14, 193-15, 193-16 и 193-17 п. «а» Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик⁹⁵. Указ не распространилась на бывших военнопленных, осужденных по статье 58 УК РСФСР.

17 сентября 1955 г. Президиум Верховный Совет СССР издал Указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».⁹⁶ Осужденные на срок до десяти лет лишения свободы включительно за совершенные в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. пособничество врагу и другие преступления, предусмотренные ст. ст. 58-1, 58-3, 58-4, 58-6, 58-10, 58-12 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующими статьями уголовных кодексов других союзных республик были освобождены из мест заключения и от других мер наказания лиц Были освобождены из мест заключения также и осужденные за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях.

специальных немецких формированиях, власовцев и полицейских». 7 октября 1951 г. // Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С.741-742.

⁹⁵ Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии». 27 марта 1953 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1958. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 612, 613.

⁹⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.». 17 сентября 1955 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938-1958. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 614, 615.

Кроме того, Указ предусматривал освобождение от ответственности находящихся за границей советских граждан, которые во время войны сдались в плен врагу или служили в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях, а также тех, кто занимал во время войны руководящие должности в полиции, жандармерии и [органах] пропаганды при условии, если они искупили свою вину последующей патриотической деятельностью и явились с повинной. Явка с повинной рассматривалась как смягчающее обстоятельство и в отношении тех, кто совершил тяжкие преступления. В этих случаях наказание не должно было превышать пять лет ссылки.

Также Указ предусматривал освобождение от ответственности и тех лиц, которые были виновны в совершении воинских преступлений, в случае явки с повинной судебное расследование должно было проводиться без ареста обвиняемых. Принятие Указа и данных Министерством юстиции СССР разъяснений, касающихся бывших военнопленных, находившихся вне пределов Советского Союза, всколыхнуло советских репатриантов - как бывших военнопленных, так и гражданских лиц. В партийно-государственные органы начали поступать их многочисленные обращения, в которых репатрианты, сообщая о своих заключениях, требовали восстановления справедливости.

Были созданы специальные комиссии для изучения существующих дел, связанных с политическими преступлениями. По некоторым сведениям, до марта 1956 года было рассмотрено 337 183 дела. Комиссии приняли решение о прекращении дела или сокращении срока наказания в 153 502 случаях. Однако только 14 338 заключенных (4,2%) прошли полную реабилитацию, то есть комиссия сочла их приговор незаконным.⁹⁷

19 апреля 1956 года Президиум ЦК КПСС принял решение о создании Комиссии под руководством Г.К. Жукова, которой поручалось разобраться с положением вернувшихся из плена военнослужащих Советской Армии. Спустя месяц комиссия представила убедительный документ, свидетельствующий о правовом беспределе, беззаконии, которое было проявлено к военнослужащим, вернувшимся из плена.

Комиссия предлагала:

- принять постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, осуждающее практику огульного политического недоверия к бывшим советским военнослужащим, находившимся в плену или окружении противника;

- распространить действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года об амнистии на бывших советских военнослужащих, осужденных за сдачу в плен;

- при пересмотре военных дел на бывших военнопленных выявить и реабилитировать тех из них, кто попал в плен в условиях, вызванных боевой

⁹⁷ Эпоха реабилитанса. И ее окончание // Новая газета, № 36, 8 апреля 2009 года.

обстановкой и необоснованно осужденных за то, что, будучи в лагерях, они выполняли административно-хозяйственные функции по обслуживанию бытовых нужд самих военнопленных;

- пересмотреть дела о партийной принадлежности бывших военнопленных, исключенных из партии в связи с пребыванием в плену;

- в необходимых случаях восстановить в офицерских званиях бывших военнопленных советских офицеров, лишенных воинских званий во внесудебном порядке.

29 июня 1956 г. ЦК КПСС и Совета Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и их семей»⁹⁸, в котором была осуждена практика огульного политического недоверия, применения репрессивных мер, а также лишения льгот и пособий в отношении бывших советских военнопленных и членов их семей.

Также предлагалось распространить Указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 17 сентября 1955 г. и на бывших советских военнопленных, осужденных за сдачу в плен. С 1957 г. дела бывших советских военнопленных были в основном пересмотрены. Большинство были реабилитированы. Им восстановили воинские звания и пенсии, вернули награды. Получившие ранения и совершившие побег из плена были награждены орденами и медалями. Однако в данном постановлении многим вопросам не была дана соответствующая оценка, а намеченные меры в основном остались на бумаге.

Но, признав, что подавляющее большинство советских военнослужащих попало в плен ввиду невозможности дальнейшего сопротивления, что исключало их преследование даже на основе законодательства того времени, авторы постановления не смогли или не захотели пойти дальше применения амнистии по отношению к попавшим в плен и индивидуальной реабилитации тех из них, кто мог найти доказательства вынужденной сдачи в плен.

Однако в постановлении ни слова не говорилось о реабилитации членов семей советских военнопленных, испытавших на себе все виды репрессий: моральных, экономических, политических. При этом в постановлении полностью обойдены проблемы военнообязанных из числа гражданских репатриантов, прошедших через каторгу проверочных лагерей и «рабочих батальонов», закрепленных после окончания «проверки» в постоянных кадрах предприятий.

Таким образом, руководители советской власти и тут пошли на полумеры, сделали все возможное, чтобы объявить амнистию как можно с меньшей оглаской. Это самое большое, на что пошло советское правительство, восстанавливая права бывших военнопленных, подвергшихся

⁹⁸ Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей. Из постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров. 29 июня 1956 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Изд-во «Республика», 1993. – С. 139-142.

жестоким репрессиям. Все милосердие власти ограничилось тем, что бывших военнопленных уравнивали с участниками немецких военных формирований, полицейскими и карателями, которых амнистировали раньше, в 1955 году. И только спустя год эту амнистию распространили на бывших военнопленных, которые не совершили никаких преступных действий.

С тех пор власть не считала нужным обращаться к этим проблемам, полагая их исчерпанными амнистией 1956 года, хотя, как и прежде, не были восстановлены полной мере гражданские права бывших военнопленных и репатриированных лиц, не сняты ограничения в их общественной деятельности, в приеме на работу в определенные ведомства и др. Как и прежде, сама проблема военнопленных и репатриированных лиц, их судьба, массовые репрессии, которым они подвергались, плотно замалчивались, как будто этих проблем и ликвидации их последствий не существовало. Не было ничего сделано, чтобы облегчить участь бывших военнопленных.

Между тем многие бывшие военнопленные были лишены льгот, которые полагались участникам войны, они лишались военной инвалидности, их вычеркивали из числа тех, кто участвовал в достижении Победы. Ни на одном из широко праздновавшихся юбилеев окончания войны, ни у одного из высоких докладчиков не нашлось слов о тех солдатах и офицерах Советской Армии, которые, защищая Родину, в силу сложившейся военной обстановки, оказались во вражеском плену. В середине 1960-х годов процесс массовой реабилитации прекратился.

Следующий этап реабилитации жертв репрессий начался с конца 80-х и начал 90-х годов с крахом социалистических режимов в Восточной Европе и Советском Союзе, тогда появилось много нового материала о массовых политических репрессиях, были приняты законы об осуждении репрессивного режима. В августе 1990 года президент СССР М.С.Горбачев подписал указ о восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-50-х годов XX в. В 1987-1990 гг. были реабилитированы более миллиона человек⁹⁹.

В январе 1995 г., Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан - бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»¹⁰⁰, по которому бывшие военнопленные получили статус участника Великой Отечественной войны. На них в полном объеме распространяется

⁹⁹ Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессии 20-50-х годов». 13 августа 1990 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М.: Республика, 1993. – С. 187-189.

¹⁰⁰ Указ Президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». 24 января 1995 г. // Российская газета. 1995. 28 января (№ 22).

федеральный закон «О ветеранах», принятый Государственной Думой 16 декабря 1994 года.

Велико число казахстанцев, пропавших без вести и бывших военнопленных, но аналогичного документа в Казахстане нет.

Репрессивные акции против бывших военнопленных и репатриантов были продуманы и целенаправлены. С первых дней после освобождения, попадая в проверочно-фильтрационный пункт или лагерь, они оказывались в системе ГУЛАГа. Унижения, голод, болезни, антисанитарные условия показывали им, что они виновны, а степень их вины и меры наказания будут разбирать карательные органы. На их глазах почти каждого десятого отправляли либо в лагерь, либо на спецпоселение. После возвращения к постоянному месту жительства также следовали аресты и жесткие приговоры, беспрестанные вызовы в органы МГБ для выяснения каких-либо обстоятельств пребывания в плену или на работе в Германии.

Все это держало в напряжении вернувшихся домой, воспитывая в них страх. Их пытались сломить, морально раздавить, заставить молчать, жить в повиновении. Они боялись вспоминать о событиях войны, в результате которых оказались в плену или в немецкой неволе.

Другая цель - воздействовать на общественное мнение, воспитывая убеждение, что с теми, кто вернулся из плена или из немецкой неволи, "не все чисто". Аресты и осуждения бывших военнопленных, лиц, находившихся на территории Германии или на оккупированной территории, как бы подчеркивали, сколь надо быть бдительным к этим людям, как часто среди них встречаются вражеские агенты, изменники родины. Следовательно, враждебное отношение к ним власти, ограничение их в правах на выбор профессии, места жительства вполне обоснованы. Парадоксальным может показаться факт, что пункт в анкете по учету кадров, который должен был заполнять каждый советский гражданин о том, был ли в немецком плену или жил ли на оккупированной территории, существовал до 1992 г.

Наконец, в преследованиях военнопленных и репатриированных лиц была и еще одна сторона, связанная с необходимостью пополнения рабочей силой тех учреждений ГУЛАГа, которые не могли существовать без рабского труда.

Отказ СССР от признания и подписания международных конвенций (Гаагская, Женевская и др.), повлекшие невозможность защиты военнослужащих-казахстанцев

Военнопленные воюющих стран за весь период Второй мировой войны пользовались защитой Гаагской конвенции 1907 года «О законах и обычаях сухопутной войны» и Женевской конвенции 1929 года «О содержании

военнопленных»¹⁰¹. Эти конвенции обязывают правительство государства, вооруженные силы которого взяли в плен военнослужащих противника, не только гуманно обращаться с военнопленными, но и ограждать их от насилия, оскорблений и общественного любопытства, уважать их личность и честь, так как они сохраняют полную гражданскую правоспособность.

Начало военных действий на советско-германском фронте требовало определения правового статуса советских и немецких военнопленных. 24 июня 1941 года Отдел военнопленных Вермахта направил в Иностранный отдел телеграмму с просьбой проверить, есть ли намерения у Советского Союза применять международные конвенции об обращении с военнопленными: «Советской республикой ратифицирована лишь Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, но не Конвенция о содержании военнопленных от 27.7.29. Надо бы проверить, связана ли Советская республика с Гаагской конвенцией о законах и обычаях сухопутной войны. По 82-статье Конвенции о содержании военнопленных от 27.7.29 Германия связана с обязательствами конвенции, если даже противник не является участником этого соглашения. При таких обстоятельствах предлагаем через министерства иностранных дел союзных держав попросить Русское правительство дать ответ на вопрос, может ли Германия применять относительно русских военнопленных конвенцию 1929 года и соответственно содержать их. При этом мы надеемся, что Россия тоже будет соблюдать положения этой конвенции и дополнительно заявит о своем присоединении к Конвенции о содержании военнопленных от 27.7.29. Просим рассмотреть это предложение и в случае необходимости уведомить об этом соответствующим образом Министерство иностранных дел»¹⁰². На этот запрос Иностранный отдел Верховного командования 27 июня 1941 г. ответил следующей подробной инструкцией:

1) Поскольку Советский Союз не присоединился к Конвенции о военнопленных 1929 года и не сделал никаких заявлений о том, что он признает себя связанным с Гаагской конвенцией, по отношению к Советскому Союзу Германия тоже не связана с какими-нибудь правилами Конвенции о военнопленных. Ссылка Отдела военнопленных на 82-статью не правильна. Эта статья означает лишь то, что Германия связана конвенцией по отношению к другим противникам, которые подписали конвенцию.

2) Спрашивается, противоречит ли известный приказ заявлению о том, что Германия по отношению к Советскому Союзу применяет конвенцию. Это тот случай, когда подобное заявление можно дать, если этот приказ будет модифицирован в интересах военнопленных в Советском Союзе.

3) Возможно, достаточно потребовать от Советского Союза, чтобы он подписал конвенцию. Дальнейшая просьба к нему объявить о признании

¹⁰¹ Приложение к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Статьи 25, 27 и 28, безоговорочно подписанные представителями Германии // Вторая конференция мира 1907 года. СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1908. – С. 135, 137.

¹⁰² Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.6.

конвенции, кажется, в политическом смысле нежелательна.

4) В случае, если немецкая сторона должна будет сделать упомянутое заявление, рекомендуем это сформулировать примерно следующим образом: «Несмотря на то, что Советский Союз не присоединился к конвенции о военнопленных, Германия относительно русских военнопленных готова применять правила Конвенции от 27.7.1929 года, при условии, что Советское правительство тоже готово заявить о содержании немецких военнопленных по правилам этой Конвенции»¹⁰³.

По просьбе Советского правительства 19 июля 1941 г. шведская дипломатическая миссия в Берлине сообщила МИД Германии о том, что СССР признает нормы Гаагской конвенции 1907 года относительно военнопленных при условии, что Германия тоже будет соблюдать эту конвенцию. В Министерстве иностранных дел Третьего Рейха до 8 августа готовили доклад для Гитлера по поводу ноты СССР и проект ответа немецкого правительства. Получив проект, Гитлер с помощью представителя МИД усилил критически высокомерный тон ноты. 8 августа МИД Германии отправило ответную ноту в Шведское посольство: «Имперское правительство выражает лишь свое крайнее удивление в том, что, несмотря на до сих пор существующее отношение советских войск к попавшим в плен немецким солдатам, советское правительство еще позволяет себе говорить о применении норм международного права при содержании военнопленных и при этом поднимать вопрос о взаимности. Разумеется, имперское правительство всегда обращается с военнопленными по действующим нормам международного права. По сравнению с этим, как состояние погибших пленных солдат, обнаруженных при наступлении немецких войск, так и свидетельские показания переживших плен и освобожденных нашими войсками немецких солдат подтверждают, что невозможно считать Красную Армию армией цивилизованного государства. В такой ситуации советскому правительству, прежде чем начинать разговоры о соглашении с нами по вопросу обращения с военнопленными, следовало бы доказать, что оно желает добиться изменения отношения своих войск и учреждений к немецким военнопленным»^{104, 105}.

Советское правительство в тот же день передало ноту посольствам Швеции и Японии в Москве, где были перечислены международные договоры, которых будет придерживаться СССР в войне против Германии: 1) Гаагская конвенция от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны; 2) Женевский протокол от 17 июня 1925 г. о запрещении применения газа; 3) Женевская конвенция от 6 июля 1906 года об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях; 4) все другие соглашения относительно ведения войны (4-пункт отсутствует в ноте, переданной

¹⁰³ Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/509. Bl.10.

¹⁰⁴ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29717. Bd.6. Bl.329.

¹⁰⁵ Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 2/158. Bl.20.

шведскому посольству). В нотах содержится предупреждение о том, что Советский Союз, «учитывая систематические нарушения гитлеровской Германией международных договоров, будет соблюдать эти соглашения лишь в той мере, в какой оно будет соблюдено Германией». 9 августа нота такого же содержания была вручена болгарскому посольству¹⁰⁶. В ответе советского правительства на ноту Германии от 8 августа, переданном шведской дипломатической миссии в Москве, вновь говорится о принципе взаимности в соблюдении норм Гаагской конвенции. Далее по поводу обвинений немецкой стороны о жестоком обращении служащих Советской армии с военнопленными сказано: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик категорически отрицает, что при содержании пленных немецких солдат не соблюдает законов войны; немецкие военнопленные содержатся в соответствии с правилами Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны. Правительство Союза не намерено заключать с немецким имперским правительством какие-нибудь соглашения о военнопленных и предъявляет требования к немецкому правительству лишь о том, чтобы точно следовало признанным международным правилам относительно содержания военнопленных и особенно принципов Гаагской конвенции 1907 года о законах и обычаях сухопутной войны»¹⁰⁷.

Таким образом, и советская, и немецкая сторона держались принципа не уступать друг другу в вопросе определения правил содержания военнопленных. Руководители Третьего Рейха отказались от применения по отношению к советским военнопленным Гаагской конвенции 1907 года, а Советское правительство в своих нотах даже не упоминало о Женевской конвенции 1929 года.

25 ноября 1941 г. и 27 апреля 1942 г. Народный комиссар иностранных дел СССР В.М. Молотов направил всем аккредитованным в Москве дипломатическим миссиям официальные ноты, из которых следует, что Советский Союз признал Гаагскую конвенцию 1907 года: «Лагерный режим, установленный для советских военнопленных, является грубейшим и возмутительным нарушением самых элементарных требований, предъявляемых в отношении содержания военнопленных международным правом и, в частности, Гаагской конвенцией 1907 года, признанной как Советским Союзом, так и Германией. Германское правительство грубо нарушает требование Гаагской конвенции, обязывающей воюющие страны обеспечивать военнопленных такой же пищей, как и свои собственные войска (ст. 7 приложения к 4 Гаагской конвенции 1907 года). Ввиду серьезной нехватки людских ресурсов в германской армии, гитлеровцы в отношении военнопленных идут на многие грубые нарушения Гаагской конвенции 1907 года, подписанной Германией. В своей преступной практике

¹⁰⁶ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29719. Bd.8. Bl. 279, 299, 334.

¹⁰⁷ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.22-23.

систематических злодейских нарушений международного права германская военщина и германское правительство дошли до того, что избиениями и угрозами расстрела заставляют красноармейцев работать в качестве ездовых на повозках, на машинах и транспорте, перевозящем боеприпасы и другие военные грузы на фронте, в качестве подносчиков боеприпасов на огневые позиции и т.д. Все это делается в нарушение прямого запрещения Гаагской конвенцией использования пленных на работах, имеющих какое-либо отношение к военным действиям... Все эти факты являются вопиющим нарушением со стороны германского правительства элементарных принципов и норм международного права и международных соглашений, подписанных представителями самой же Германии. Доводя об этих ужасающих фактах до сведения всех стран, с которыми СССР имеет дипломатические отношения, Советское правительство с возмущением протестует перед всем миром против варварских актов нарушения германским правительством элементарных норм международного права»¹⁰⁸. Международный Комитет Красного Креста все переговоры относительно содержания военнопленных вел через посольство СССР в Анкаре, поэтому посол Германии в Турции Ф. фон Папен считал себя экспертом по этому вопросу. 27 ноября 1941 г. фон Папен направил телеграмму в Берлин, где пытался доказать необоснованность ссылки В.М. Молотова на нарушение немецкой стороной основных норм Гаагской конвенции:

1) Несмотря на старания МККК, советское правительство не разрешило представителям МККК посетить лагеря военнопленных в СССР. А немецкая сторона дала возможность международным представителям Буркхардту и Халлеру побывать в лагерях русских военнопленных в Германии.

2) Все хлопоты представителей Красного Креста получить от советского посольства в Анкаре сведения о пропавших без вести немецких военнопленных или произвести обмен списками пленных окончились неудачей, хотя немецкая сторона передала через Красный Крест первый список советских военнопленных.

3) В такой ситуации апелляция Молотова к Гаагской конвенции производит странное впечатление, учитывая тот факт, что Советский Союз не присоединился к этой конвенции¹⁰⁹.

Россия была участницей всех Гаагских конвенций и деклараций 1899 года и десяти Гаагских конвенций 1907 года, в том числе Конвенции «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., регулировавшей режим военного плена.

Вопрос о присоединении СССР к Гаагским конвенциям, определяющим режим военного плена, долгое время оставался неясным. Первое упоминание о Гаагской конвенции в советском официальном документе находим в

¹⁰⁸ О немецко-фашистских злодеяниях и зверствах. Ноты Народного Комиссара иностранных дел СССР тов. В.М. Молотова. – М.: ОГИЗ, 1943. – С.6-8.

¹⁰⁹ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin). R 29718. Bd.7. Bl.109.

коммунике Ленинградского военного округа, в котором были отклонены претензии Финляндии о нарушении СССР некоторых положений Гаагской конвенции 1907 года¹¹⁰. Советское правительство оставило без ответа предложение Министерства иностранных дел Финляндии от 31 ноября 1939 г. о взаимном соблюдении Гаагской конвенции 1907 года и Женевской конвенции 1929 года¹¹¹. Таким образом, в период советско-финской войны отношение СССР к Гаагской конвенции 1907 года оставалось неясным.

Среди немецких исследователей нет единого мнения по вопросу о том, присоединился ли Советский Союз к Гаагской конвенции. Можно ли считать вышеназванные ноты НКВД СССР официальным доказательством признания СССР Гаагской конвенции? Р. Маурах считает, что эти ноты не могут рассматриваться как официальный документ, удостоверяющий присоединение к Гаагской конвенции, так как 6-статья данной конвенции предусматривает определенные требования к оформлению заявления страны о присоединении к конвенции. 6-статья гласит: «Держава, которая желает присоединиться, письменно извещает о своем намерении Нидерландское правительство, передавая ему акт присоединения, который будет храниться в архиве указанного Правительства. Это Правительство немедленно передает всем другим Державам, приглашенным на Вторую Конференцию мира, засвидетельствованную копию оповещения, а равно акта присоединения, указывая день, когда оно получило оповещение». А. Штрайм считает, что советская власть не признала международные договоры, заключенные бывшими правительствами, поэтому предложения СССР Германии придерживаться норм Гаагской конвенции 1907 года при условии взаимности необоснованны¹¹².

Немецкий исследователь Э. Томсон пишет: «Относительно старых, заключенных дореволюционными правительствами договоров Советское правительство издавна придерживалось такой точки зрения, что не все из них обязательны для Советского Союза, и это может быть решено лишь только применительно к конкретному случаю»¹¹³. Постановление от 16 июня 1925 г. подтвердило присоединение СССР к следующим двум международным соглашениям, относящимся к области определения правил ведения войны: 1) Гаагская конвенция от 21 декабря 1904 г. об обращении с госпитальными судами; 2) Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г. о применении к морской войне основных положений Женевской конвенции 1864 года «Об улучшении участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны». 5 апреля

¹¹⁰ Meissner B. Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentsammlung. – Hamburg: Forschungsstelle für Völkerrecht, 1950. – S.10

¹¹¹ Verbrechen an der Wermacht. Kriegsreuel der Roten Armee 1941/42. Hrsg. Franz W. Seidler. – Selent: Pour le Mérite, 1998. Bd. 1. – S. 25.

¹¹² Streim A. Das Völkerrecht und die sowjetischen Kriegsgefangenen // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes. – München: R.Piper GmbH, 1991. – S.291-309.

¹¹³ Sowjetunion. Aussenpolitik: Völkerrechtsteorie und Vertragspolitik. Hrsg. D. Geyer. – Köln,Wien: Böhlau, 1976. – S.126.

1928 года СССР присоединился к протоколу о запрещении применения удушливых, ядовитых и других газов и бактериологических средств, подписанному 17 июня 1925 года Советское правительство больше не принимало официальных постановлений о присоединении к другим международным конвенциям, регулирующим правила ведения войны, в том числе и режим военного плена. Известный специалист по международному праву Е.А.Коровин еще в 20-х годах писал, что поскольку гаагские и другие военные конвенции не денонсированы Советской Россией, следует считать ее юридически с ними связанной, «с неизбежной, однако поправкой на социальную революцию»¹¹⁴. Однако в первом издании Большой советской энциклопедии указано, что относительно «правил военного плена правительство СССР не считает себя связанным какими бы то ни было международными соглашениями»¹¹⁵. В.А. Золотарев, председатель комиссии при президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, пишет, что отношение советской власти к Гаагским конвенциям, регулирующим режим военного плена, И. Сталин выразил в декабре 1925 года на XIV съезде ВКП(б), охарактеризовав конференцию 1899 года как «образец беспримерного лицемерия буржуазной дипломатии»¹¹⁶.

Причина отказа советской власти от признания международных договоров, заключенных царской Россией, обусловлена идеей необходимости слома старого государственного аппарата и создания государства нового типа, служащего интересам рабочего класса. Установление советской власти считалось не обычной сменой формы правления, а сменой общественно-экономических формаций.

Среди советских исследователей не дискутировалась проблема присоединения СССР к Гаагской конвенции 1907 года, в работах, опубликованных в последние годы войны, признание Советским Союзом Гаагской конвенции считалось подтвержденным фактом. Однако советское правительство не рассматривало упомянутые ноты НКВД в качестве официального заявления о признании Гаагской конвенции. В марте 1955 г. посольство Нидерландов, по поручению своего правительства, являющегося депозитарием Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг., обратилось в МИД СССР с просьбой сообщить, считает ли правительство СССР себя связанным с названными Гаагскими конвенциями, которые были ратифицированы Россией. 7 марта 1955 года МИД СССР направило ответную ноту, в которой сообщило, что: «Правительство Союза Советских Социалистических Республик признает ратифицированные Россией Гаагские конвенции и декларации 1899 и 1907 гг., разумеется в той мере, в какой эти конвенции и

¹¹⁴ Коровин Е.А. Международное право переходного времени. – М.: Госиздат, 1924. – С.113.

¹¹⁵ Большая Советская Энциклопедия. 1-изд. В 65 т. Под ред. О.Ю. Шмидта. Т. 12. – М.: Советская энциклопедия, 1928. – С.286.

¹¹⁶ Золотарев В. Пленных войн XX века разыскивают в веке XXI // Независимое военное обозрение. 2005. 28 октября.

декларации не противоречат Уставу ООН и если они не были изменены и заменены последующими международными соглашениями, участником которых является СССР, такими, как Женевский протокол 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств и Женевские конвенции 1949 года о защите жертв войны»¹¹⁷. Однако это запоздалое официальное признание международных конвенций, регулирующих режим военного плена, уже не имело определенного значения для бывших советских военнопленных.

По мнению немецкого исследователя Х. Штрайта, решающими критериями для определения основополагающих принципов обращения нацистских властей с военнопленными были, с одной стороны, их положение в национал-социалистской расовой иерархии, с другой стороны, учитывались возможные репрессии против немецких пленных в государствах антигитлеровской коалиции. «На самом верху иерархической лестницы стояли английские военнопленные, а позже вместе с ними американцы. Важным при этом было то, что Гитлер долгое время питал надежду на привлечение на свою сторону Англии, которую он хотел видеть «естественным» союзником Германии», – пишет Х. Штрайт¹¹⁸. На наш взгляд, нельзя с уверенностью говорить о надежде Гитлера на возможность привлечения Англии на свою сторону уже после начала второй мировой войны. Поэтому главными критериями в определении политики нацистского руководства относительно обращения с военнопленными разных государств служили основные цели ведения войны в каждой из этих стран. Война на Западе велась нацистами за господство в Европе, здесь они не говорили о борьбе разных идеологий. Наносив сокрушительный удар демократическому строю и либеральным ценностям в Германии, нацисты, видимо, не считали западные демократии грозным врагом. Захватническая политика нацистов в западных странах была ориентирована на использование их экономических ресурсов в военных целях, использование их многовекового опыта в управлении государством, организации и развитии разных отраслей экономики, торговли и финансовой системы в дальнейшем в создании государственного аппарата и экономической структуры будущей «Великой Германии». Поэтому нацистская верхушка старалась соблюдать Женевскую конвенцию 1929 года при обращении с военнопленными этих стран. В марте 1942 года по предложению Германии между США и Третьим Рейхом была достигнута договоренность при обращении с военнопленными соблюдать положения Женевской конвенции «О содержании военнопленных» от 27 июля 1929 г.¹¹⁹. Вторым фактор, названный Х.Штрайтом, т.е. опасение своим плохим отношением к военнопленным западных стран вызвать ответные

¹¹⁷ Сообщение ТАСС // Правда. – 1955. – 9 марта.

¹¹⁸ Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. – Bonn: Dietz, 1991. – S.69

¹¹⁹ Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 5v/506. Bl.87.

меры против немецких военнопленных в их руках, действительно имело определенное значение.

В немецких лагерях в самом худшем положении находились советские военнопленные. Отношение к советским военнопленным определялось основной целью нацистов в войне с СССР. В своих выступлениях А. Гитлер подчеркивал, что война против СССР – «это нечто большее, чем просто вооруженная борьба; это конфликт двух мировоззрений»¹²⁰. 30 марта 1941 г. на совещании А. Гитлер снова повторил эту мысль. Выдержку из этой речи А. Гитлера приводит в своем дневнике Ф. Гальдер: «Борьба двух идеологий: уничтожающий приговор большевизму не означает социального преступления. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы не должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение»¹²¹.

Политика нацистских властей относительно советских военнопленных сформировалась еще при разработке плана нападения на СССР. По мнению Х. Штрайта, еще до нападения на СССР были разработаны три документа, предусматривающие принципы обращения с советскими военнопленными, тексты которых не сохранились. Первый из них – разработанные 18 мая 1941 г. директивы о привлечении советских пленных на работы в запланированных рейхскомиссариатах, второй – «Записи доклада с проектом положений об обращении с военнопленными» от 21 мая, третий – проект «Организации вопросов, связанных с содержанием и обращением с военнопленными по плану «Барбаросса»¹²². В мае 1941 года был разработан проект приказа Верховного командования Вермахта относительно преследования и уничтожения политических работников Советского Союза. В 3-пункте этого документе предписывалось: «с политическими руководителями подразделений и частей следует обращаться соответственно предложению Главного командования сухопутных войск; пленными их не признавать и потому уничтожать их не позднее чем в пересыльных лагерях, ни в коем случае не отправляя в тыл»¹²³. В «Директивах Верховного командования Вермахта об уничтожении политических комиссаров и функционеров Красной Армии» от 6 июня 1941 г. предписывалось: «в борьбе против большевизма не обращаться с военнопленными с точки зрения человечности и по нормам международного права, так как от политических комиссаров всякого рода как от собственных носителей сопротивления

¹²⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. – Т. 2. М.: Наука, 1973. – С.22.

¹²¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939-1942 гг. Пер. с нем. Т. 2. – М.: Воениздат, 1969. – С.231.

¹²² Streit Ch. Keine Kameraden: Die Wehrmacht und die sowjetische Kriegsgefangenen 1941-1945. – Bonn: Dietz, 1991. – S.73.

¹²³ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. – Т. 2. М.: Наука, 1973. – С.30.

нужно ожидать полное ненависти, жестокое и нечеловеческое обращение с нашими пленными»¹²⁴. «Приказ об осуществлении подсудности на территории операции «Барбаросса» освобождал немецких военнослужащих от уголовной ответственности за совершенные преступления на территории, оккупированной в результате военных действий по плану «Барбаросса».

Приказ об уничтожении комиссаров был дополнен приказом № 8 начальника полиции безопасности и службы безопасности Р. Хайдриха от 17 июля 1941 г. «О задачах оперативных групп и полиции безопасности в лагерях военнопленных». Задачи оперативных групп заключались в выявлении и отборе коммунистов и евреев в пересыльных и постоянных лагерях военнопленных в Восточной Пруссии, на оккупированной территории Польши и Советского Союза.¹²⁵ «Большевизм – смертельный враг национал-социалистической Германии» – это слово повторяется во всех приказах и распоряжениях Главного командования Вермахта, изданных в июне-сентябре 1941 г.¹²⁶

Сопоставление фактов показывает, что главная причина плохого содержания советских и немецких военнопленных заключается не в том, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 года и хотел придерживаться правил Гаагской конвенции, а Германия ставила условие обязательного присоединения СССР к Женевской конвенции, хотя конечно, это тоже играло далеко не последнюю роль. Нацистские власти не желали положительного решения вопроса об определении правового статуса советских военнопленных. По 82-статье Женевской конвенции 1929 года ее положения должны соблюдаться высокими договаривающимися сторонами при всех обстоятельствах; если в случае войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения конвенции остаются обязательными для всех воюющих стран, подписавших ее. Если бы немецкая сторона хотела соблюдать международные нормы в обращении с советскими военнопленными, то она могла бы придерживаться положения, зафиксированного в 82-статье Женевской конвенции. Поэтому упорство нацистского руководства в требовании официального присоединения СССР к Женевской конвенции 1929 года было лишь поводом для несоблюдения международных норм по отношению к советским военнопленным.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить следующее. Отказ Германии от соблюдения международных конвенций, регулировавших обращение с военнопленными, как и отказ от помощи Красного Креста советским пленным, был предрешен до начала войны. В среде военнопленных гитлеровское командование установило четкую иерархию в плане соблюдения гарантий и прав, сообразуясь с нацистской доктриной. Советские пленные занимали самую нижнюю ступень этой иерархии,

¹²⁴ Dokumente des Verbrechens: Aus Akten des Dritten Reiches 1933-1945. Hrsg. Von H.Kaden und L. Nestler. Bd. 1. – Berlin: Dietz, 1993. – S. 137-139.

¹²⁵ Bundesarchiv (Berlin). R 58/272. Bl.54-58.

¹²⁶ Bundesarchiv – Militärarchiv (Freiburg). RW 4v/763. Bl.4-10.

поскольку рассматривались в первую очередь как социальные и идеологические, а не национальные враги. В них видели большевиков, смертельных врагов нацизма, к тому же расово неполноценных.

Незаинтересованность сталинского руководства в подписании Женевской конвенции определялась, в том числе недоверием относительно вмешательства в его внутренние дела представителей иностранных государств и была также связана с намерением предотвратить тем самым сдачу в плен советских солдат, а жестокое отношение к ним со стороны противника должно было этому способствовать. К тому же дальнейшее же выполнение «преступных приказов», да и общие условия содержания пленных красноармейцев в нацистских лагерях, о чем очень быстро стало известно, убеждали советское правительство в бесперспективности дальнейших переговоров.

Говоря о роли Красного Креста, нельзя не отметить, что с одной стороны именно эта организация стала инициатором переговорного процесса между СССР и Германией по вопросу о военнопленных обеих сторон, а также главным посредником в переговорном процессе между двумя государствами. В то же время в его деятельности практически полностью отсутствовала решительная официальная критика нацистской политики, попиравшей требования всех без исключения международных договоров, так или иначе касавшихся обращения с пленными. Следствием подобной политики стала гибель миллионов советских военнослужащих на территории оккупированных европейских стран, а также СССР.

Военнопленные-казахстанцы в свете реализации Указа Президента о полной реабилитации жертв политических репрессий

После объявления независимости, в самый трудный для страны период, Казахстан под руководством Первого Президента Н.А. Назарбаева инициировал ряд мер, направленные на реабилитацию жертв тоталитарного режима. Так, в 1990 г. был издан Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по оказанию помощи реабилитированным гражданам, пострадавшим от незаконных репрессий в период 1940-х и начала 1950-х гг.». В 1993 г. принят Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий». Указом Президента Республики № 3443 от 5 апреля 1997 г. 31 мая был объявлен Днем памяти жертв политических репрессий. В 2012 г. в Указ были внесены дополнения – теперь 31 мая является Днем памяти жертв политических репрессий и голода.

Было реабилитировано 340 тыс. незаконно репрессированных, издано свыше 15 «Книг скорби» со списками более 140 000 тыс. безвинно пострадавших соотечественников. В контексте реабилитационных действий на месте подразделений ГУЛАГа (а на территории Казахстана их было около 26) были созданы особые бюджетные организации – музейно-мемориальные комплексы (ММК), предметно занимающиеся изучением истории

политических репрессий, депортации и голода. Всемирную известность получили ММК «АЛЖИР», музеи политических репрессий в Караганде, Шымкенте и др.

До 2000-х гг. документы, касающиеся периода Второй мировой войны, хранящиеся в архивах были недоступны исследователям. Значительный импульс рассекречивание документов получило после выхода Закон РК «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» от 14 апреля 1993 г. Для официального рассекречивания документов ЦК КП Казахстана и его предшественников распоряжением Премьер-Министра РК в сентябре 2004 г. была образована Межведомственная комиссия по рассекречиванию архивных документов. В течение 2004-2008 гг. комиссия провела рассекречивание 40 тыс. дел ЦК Компартии Казахстана и его предшественников за 1937-1991 гг.

Несмотря на рассекречивание огромного пласта документов, к сожалению, наша история хранит много «белых пятен». В частности, в истории Второй мировой войны невыясненной остается судьба многих военнопленных-казахстанцев.

До сих пор не установлено точное количество погибших казахстанцев, число наших соотечественников, попавших в плен, умерших в фашистских концлагерях, оставшихся в живых и реабилитированных и нет. Не было правовых решений судебных органов по военнопленным. Многие из них и их семьи не реабилитированы. Те же, кто вернулся на Родину, поверив обещаниям властей, были отправлены в лагеря. Их освободили в 1955 году, на основании постановления Верховного Совета, но они не были восстановлены в гражданских правах.

В казахстанской историографии, также и в архивах имеются разные сведения об общем количестве мобилизованных из Казахстана в действующую армию в годы войны.

Первые документальные публикации о Великой отечественной войне 1941–1945 гг. появились уже в 1940-е гг.¹²⁷ Сбором документов и материалов занималась созданная в 1942 г. Комиссия по истории Великой Отечественной войны при ЦК КП (б) Казахстана. Среди изданных казахстанскими архивистами в послевоенный период документальных сборников центральное место занимает двухтомный сборник документов и материалов «Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945»¹²⁸. В книги вошли 761 документ (395 и 366), акцент сделан на публикацию материалов, освещающих патриотизм населения Казахстана, вклад тыла для общей победы.

¹²⁷ Казахстан в первый год Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1943. – 245 с.; Письма с фронта. – Алма-Ата: КазОГИЗ, 1944.

¹²⁸ Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. В 2 т. Т. 1. Июнь 1941-1943 гг.: Сб. док. и материалов / Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР, Ин-т истории партии при ЦК КП Казахстана — филиал ИМЛ при ЦК КПСС, Центр. гос. архив Казахской ССР; Сост. Б.А. Акжанов и др. — Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казах. ССР, 1964. – 600 с.

Однако в сборниках многие реалии военного времени не нашли своего отражения. Составители, в силу объективных причин, не могли включить документы, указывающие на неоправданно высокие потери на фронте и в тылу, особенно среди трудармейцев, депортированных народов, документы о голоде, «зачистках» освобожденных территорий, как советских, так и вошедших затем в состав социалистических стран, а также документы о судьбах военнопленных солдат и офицеров Красной армии, узников сначала фашистских, а затем сталинских лагерей¹²⁹. Проблема ограниченности при изучении озвученных вопросов появилась в т. ч. и из-за недоступности архивных документов советской эпохи, особенно сталинского периода.

Попытки снять грифы ограниченного доступа к ряду архивных документов были предприняты в конце 1980-х гг. в Институте истории партии при ЦК КП Казахстана, в структуре которого хранился значительный комплекс документов архивного фонда КПСС, связанный с историей Казахстана. Однако проведенная работа тогда не могла стать полноценной, чтобы дать целостное представление о произошедших в прошлом процессах. Позже, после обретения Казахстаном независимости, в результате деятельности созданной в 1994 г. Правительственной комиссии, были рассекречены тематические комплексы документов в государственных архивах республики. В 2004–2008 гг., по инициативе Архива Президента РК, была создана Межведомственная комиссия по рассекречиванию документов бывшего архивного фонда коммунистической партии. В результате работы комиссии, Архивом Президента РК были сняты грифы секретности с более чем 40 тысячи дел партийных документов за 1937–1991 гг. Среди них особый научный вызывают материалы «особых папок» – документов, на которые был наложен гриф высшей формы секретности.

По завершении деятельности Комиссии, Архив Президента РК получил возможность работы над серией документальных изданий «Из истории депортаций. Казахстан», приступить к созданию документальной базы данных о военнопленных-казахстанцах Второй мировой войны, а также предложить

¹²⁹ К изучению вопросов историко-правовых аспектов использования различных контингентов населения Казахстана, мобилизованных в Трудовую армию, исследователи приступили в конце 1990-х гг. К теме военнопленных Архив Президента РК обратился в 2000-х гг., опубликовав мемуары З.-Г. Темиргалиева «Мытарства узника фашистских лагерей и советского ГУЛАГа», семьи Толганбаевых «Живая память о музыканте», отрывки из дневника советского военнопленного С. Воропаева «Жизнь в наземном аду...» и др. В 2005 г. в свет вышло издание об одном из лагерей для военнопленных и интернированных на территории Казахстана и пр. / Ж.У. Кыдыралина *Депортированные в Казахстан народы: история и современность* – Алматы: Ғылым, 1999. Страницы трагических судеб: сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950-е гг. / Сост. Е.М. Грибанова, А.С. Зулкашева, А.Н. Ипмагамбетова, Р.К. Кангужиева, Е.В. Чиликова – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – С.262–264. Современное осмысление уроков репрессий 1930–1950-х гг. в Казахстане и проблемы защиты прав человека. Материалы круглого стола / Сост. Е.В. Чиликова – Алматы: OST–XXI в., 2006 – С.165–171. Е.М. Грибанова // Простор (Алматы) – 2005. Май – С. 135–149. «Спасок: история в документах. / Л.В. Михеева – Караганда, 2005; Из истории депортаций. Казахстан. 1939–1945. / Сост. Ж.Т. Байкаш, Е.М. Грибанова, М.Т. Жылгелдинов, Е.В. Чиликова (отв.) – Алматы, 2019, и др.

исследователям документы из «особых папок» ЦК КП (б) Казахстана за 1941–1945 гг.¹³⁰. В 2010 г. был издан документальный сборник «Рассекреченная война. Из особых папок Архива Президента РК» и были впервые введены в научный оборот ранее недоступными исследователям архивные документы. Книга стала одним из научных итогов работы по рассекречиванию партийных документов. В сборнике были собраны решения и постановления как собственно ЦК КП (б) К, так и совместные с СНК КазССР за период Великой Отечественной войны. Директивные документы партийных и советских органов Казахстана публиковались многократно и отдельными изданиями, и в составе тематических сборников¹³¹. Данная книга отличалась от всех предыдущих тем, что в ней была осуществлена попытка опубликовать документы в комплексе: по принципу их видовой принадлежности, степени секретности, хронологическому признаку.

Вошедшие в сборник документы из «особых папок» охватили период 1941–1945 гг. Гриф «особая папка» в первую очередь обозначал место хранения документа: не там, где все, а в другой, «особой папке». Термин появился в 1920–1930-х гг., в Казкрайкоме ВКП (б), предшественнике ЦК КП (б) К, – в 1930 г. Но документы, сформированные в «особые папки» до 1937 г., в архив на государственное хранение так и не попали. В Архиве Президента РК отложился документальный пласт с таким грифом за 1937–1991 гг., и до недавнего времени подавляющее большинство публикуемых в нем документов не были известны не только широкой общественности, но даже и специалистам.

В определении масштабов людских потерь Вооруженных сил в годы войны особое место занимает проблема, связанная с уточнением количества пленных. За время войны в Вооруженные Силы были призваны 30 млн военнообязанных 150 наций и народностей (14,2% от численности населения страны перед войной – 191,7 млн. чел.) и более 4,5 млн находились на службе к моменту нападения фашистов, то есть в армии и на флоте находились 34,5 млн человек. Они представляли три демографические группы: молодежь – от 18 до 32 лет; среднее поколение – от 32 до 45 лет, старшее – от 45 до 55 лет. За войну были призваны военнообязанные 1890–1927 гг. рождения, то есть 38 возрастов, из которых приходится 10 (27%) на старшее поколение и по 14 (по 36,5%) на среднее и молодежь.¹³²

Из центральноазиатских республик в этот период было призвано на фронт 3 млн человек.¹³³

¹³⁰ Полный перечень документальных сборников, подготовленных Архивом за 1994–2020 гг. на сайте <http://archive.president.kz/>

¹³¹ Документальные источники по истории Коммунистической партии Казахстана. Научно-информационная библиография. Октябрь 1917 г. – октябрь 1962 г. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1963. – С. 134; Документальные источники по истории Коммунистической партии Казахстана. Научно-информационная библиография. Октябрь 1962 г. – 1980 г. – Алма-Ата, 1987. – С. 262.

¹³² Мохоров Г.А. Защищая Родину (Создание стратегических резервов на территории Российской Федерации в годы войны 1941-1945 гг.) / Г.А. Мохоров. – СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – С. 66.

¹³³ Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: размышление и поиски. Алматы, 2000. Кн. 1-2. С. 211.

Первые сведения о количестве мобилизованных людских ресурсов из Казахстана в Красную Армию и промышленность были озвучены 14 августа 1945 года заведующим военным отделом ЦК КП(б) Казахстана П. Алексеевым на совещаниях заведующих военных отделов СССР при ЦК ВКП(б). По данным военного отдела ЦК КП(б) Казахстана, всего за период с начала войны на 1 июля 1945 года из Казахстана было мобилизовано в Красную Армию, промышленность и ФЗО - 1892296 человек.¹³⁴

Согласно статистическим данным Казвоенкомата опубликованной в 1995 г., всего накануне войны для прохождения военной службы в кадровых частях в ряды действующей армии из Казахстана были призваны 178 тыс. человек (в том числе 40 600 казахов)¹³⁵. В период с 22 июня 1941 года по 31 декабря 1945 года были мобилизованы в армию – 1196164 человек¹³⁶. Это число на настоящее время является наиболее достоверным, но не окончательным. По данным исследователя Алдажуманова К.С., общее количество призванных в Красную Армию с 23 июня 1941г. по май 1945г. составляет 1210 тыс. человек. В 1939-1941г (до 23 июня) в Красной Армии находилось 157 тыс. человек.¹³⁷

Помимо боевых частей в Казахстане были сформированы трудовые армии. В них через военкоматы было направлено 700 тысяч человек. Эти трудовые армии строили стратегические объекты не только в пределах республики, но и в прифронтовой полосе. В трудовые армии вливались как этнические казахи и другие казахстанцы, так и спецпереселенцы из числа ссыльных народов. В годы войны 1,5 млн человек было передислоцировано в Казахстан (эвакуированные и ссыльные).

В целом, как минимум, каждый четвертый казахстанец (даже с учетом въехавших в республику после 1941 года) был или на фронте, или работал в оборонной сфере. Подсчитано, что на фронт ушло около 70% мужского населения республики в возрасте от 18 до 50 лет. Это был один из самых высоких показателей среди бывших Союзных республик, поскольку уже за первые месяцы войны полностью Белоруссия, почти вся Украина были захвачены фашистами. Уровень мобилизации в Казахстане был в два раза выше, чем даже в Германии, которая вела войну на два фронта. Если немцы мобилизовали 12 процентов населения, то Казахстан – больше 24 процентов.

Велико число казахстанцев, погибших и пропавших без вести. Согласно данным «Книги памяти Казахстана», почти половина вставших на защиту Отечества – а это 601011 человек – не вернулась с полей сражений. Всего

¹³⁴ АП РК Ф. 708, Оп. 8, Д.1584, Л.3

¹³⁵ Белан П.С. На всех фронтах: Казахстанцы в сражениях Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Алматы: Ғылым, 1995. – 336 с.

¹³⁶ Боздактар. Книга памяти Казахстана. Сводный том. / Сост.П.С. Белан, Н. Едыгенов. - Алматы, 1995. – 480 с.

¹³⁷ Отчет РГ по изучению, подготовке заключения и рекомендаций по реабилитации военнопленных казахстанцев при акимате г. Алматы /02.05.2022 г.

погибшие составили 11,2% всего населения Казахстана¹³⁸. Казахов в войне, по разным данным, погибло 130 тыс. человек¹³⁹. Следует отметить, что казахи составили 1,5% всех погибших советских военнослужащих, русские (погибло 5747,1 тыс. чел., или 66,3% от общего количества), украинцы (1376,5 тыс. чел., или 15,4%), белорусы (251,4 тыс. чел., или 2,9%), татары (183,3 тыс. чел., или 2,2%), евреи (138,7 тыс. чел., или 1,6%)¹⁴⁰.

7 декабря 2011 года Российская Федерация передала Республике Казахстан электронная база данных павших во время Великой Отечественной войны казахстанцев. Информационный справочник содержит сведения о свыше 587 тысячах казахстанцах¹⁴¹. Данные, которые содержит база данных, взяты из официальных документов, хранящихся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации и Военно-мемориальном центре Вооруженных Сил Российской Федерации. Сведения основаны на донесениях о безвозвратных потерях боевых частей, других архивных документах, уточняющих потери, извещениях и гибели, документах госпиталей и медицинско-санитарных батальонов, трофейных карточках советских военнопленных, а также паспортах захоронений советских офицеров и солдат. База данных содержит информацию о звании погибшего, воинской части, в которой служил, дате и причине смерти (убит, умер от ран, пропал без вести).

Во время войны многие погибшие и попавшие в плен, особенно в первые месяцы боевых действий, развернувшихся на территории Советского Союза, были признаны пропавшими без вести. По данным Министерства обороны СССР без вести пропали 271 503 казахстанца¹⁴².

Общее количество военнопленных-казахстанцев, оказавшихся в плену, определить точно достаточно сложно. Имеются данные, что из общей численности 5,7 млн. советских военнопленных, одну треть - 1 млн. 700 тыс. - составляли туркестанцы¹⁴³. К.С. Алдажумановым приводятся следующие сведения о военнопленных-казахах: «на конец декабря 1945г. советской стороне союзниками передано 24 448 казахов»¹⁴⁴. По данным, приведенным в статистическом сборнике, подготовленном коллективом авторов под

¹³⁸ Боздақтар. Книга памяти Казахстана. Сводный том. / Сост.П.С. Белан, Н. Едыгенов. - Алматы, 1995. - С.283

¹³⁹ История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 5. -Алматы: Атамура, 1997. - С.500.

¹⁴⁰ Филимошин М. В. Людские потери Вооруженных сил СССР // Мир России. Социология. Этнология. - 1999. - №4. - С.99

¹⁴¹ Банк данных погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны военнослужащих, призванных с территории Казахстана. Официальный сайт МО РК / <https://www.gov.kz/memleket>

¹⁴² Чиликова Е. Военнопленные-казахстанцы: проект Архива Президента РК. <http://archive.president.kz/>

¹⁴³ Дембицкий Н.П. Судьба пленных //Научно-просветительский журнал «Скепсис». <https://scepsis.net/>

¹⁴⁴ Алдажұманов Қ.С. Тұтқындағы қазақ жауынгерлері және Түркістан легионы (1941-1945 жж.) // Отан тарихы. - 2016. - № 4. - Б.54.

руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева, в числе репатриированных военнослужащих казахов был 23143 человек¹⁴⁵.

По данным рабочей группы, примерно каждый из примерно 5,4 красноармейцев попал в плен к фашистам. Это также соответствует выводам российских и зарубежных экспертов. По этой методике более 255 тысяч казахстанцев оказались в плену на оккупированных Германией территорий. Из более чем 128 тысяч казахов, находившихся в плену, погибло более 80 тысяч, и, соответственно, более 47 тысяч казахов остались в живых к окончанию войны¹⁴⁶.

Сложность предлагаемого статистического исследования состоит еще и в том, что даже в период войны официальные сведения о боевых потерях Красной Армии часто менялись. Это не соответствовало действительности не в силу того, что руководство страны стремилось замалчивать эти факты, а по причине отсутствия полной информации.

Части и соединения, попавшие в окружение, представлять информацию о своем положении не имели возможности. Вместе с тем, следует отметить, что в годы войны практика преуменьшения потерь в определенной степени была оправданной: на фронте и в тылу необходимо было поднять моральный дух, укрепить веру людей в неизбежность разгрома врага. Кроме того, ни одна из воюющих сторон не будет в ходе войны раскрывать свои подлинные потери, да и в боевой обстановке четкий учет погибших является достаточно затруднительным.

К теме военнопленных Архив Президента РК обратился в начале 2000-х гг., когда сотрудниками Архива был издан сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950-е годы. «Страницы трагических судеб», где были опубликованы воспоминания военнопленных казахстанцев¹⁴⁷.

Архив Президента Республики Казахстан к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне в январе 2015 г. приступил к работе над проектом «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны: литература, источники и база данных». Целью проекта является изучение истории военнопленных-казахстанцев, выяснение их судеб, создание многофункциональной информационной системы и базы данных, призванных обеспечить информационными ресурсами исследования по широкому спектру вопросов.

¹⁴⁵ Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: статистическое исследование. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.463.

¹⁴⁶ Выступление на республиканском тематическом семинаре «Об обмене опытом по сбору материалов по военнопленным-казахстанцам, оказавшимся в 1939-1945 гг. в плену фашистской Германии, Финляндии и других европейских стран, а также военнопленным-казахстанцам, временно пребывавшим в «Туркестанском легионе» члена Госкомиссии, руководителя Проектного офиса и руководителя Подкомиссии по методологии С.А.Касымова 27 октября 2021 г.

¹⁴⁷ Страницы трагических судеб: Сборник воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920-1950-е гг. / Отв.ред. Л.Д.Дегитаева. – Алматы: Жеті жарғы, 2002. – 448 с.

В мае 2015 г. в интернете был размещен сайт www.tutkyn.kz, который является информационно-тематическим веб-ресурсом Архива Президента Республики Казахстан. На сегодняшний день в базе данных уже имеются более 30 тысяч фамилий военнопленных-казахстанцев. В эту базу данных впервые из Архива Департамента внутренних дел г. Алматы из фонда №10 «Фильтрационные и трофейные материалы на бывших военнопленных» вошли около 3 тыс. (2834) списков казахстанских военнопленных. Также с сайтов Центра документации – научно-исследовательского учреждения при Объединении Саксонские мемориалы в память жертвам политического террора и мемориала Эренхайн Цайтхайн выявлено больше 2 тыс. (2146) военнопленных казахстанцев и вошли сведения из опубликованных списков местной печати, фонда Мустафы Шокая, предоставленные данными учеными, исследователями, местными организациями, местными и областными военкоматами (республики)¹⁴⁸.

Проект архива вызвал интерес в обществе, ряд республиканских и региональных СМИ освещали данную тему в статьях и видеосюжетах, в Архив стали обращаться люди с просьбами поиска информации о пропавших без вести и оказавшихся в плену в годы войны родных и близких. К проекту Архива Президента РК присоединились коллеги государственных архивов Западно-Казахстанской области, города Тараза и Шымкентского регионального архива. Поиск информации по военнопленным получил свое продолжение, когда в мае 2015 года Парламент Федеративной Республики Германии принял решение о выплате денежной компенсации бывшим советским военнопленным. Документы на получение денежных средств необходимо было предоставить до конца сентября 2017 года.

Архив Президента выступил гарантом подлинности документов бывших военнопленных, которым полагалась компенсация. Всего сотрудники Архива оказали помощь в оформлении документов 17 казахстанцам.

На сегодняшний день большая часть материалов касательно массовых политических репрессий XX столетия хранится в архивах органов внутренних дел, общее количество которых составляет 172 тыс. 462 единиц хранения:

- уголовные дела на лиц, не подлежащих реабилитации (13 тыс. 187 ед.хр.);
- уголовные дела в отношении репрессированных граждан, оправданных судебными органами (122 тыс. 836 ед. хр.);
- фильтрационные и трофейные материалы на бывших военнопленных и репатриированных из Германии граждан бывшего СССР (36 тыс. 439 ед. хр.) (таблица 1).

¹⁴⁸ Жылгелдинов М.Т. Военнопленные - казахстанцы Второй мировой войны. Опыт Архива Президента РК по созданию республиканской базы данных // Открытая школа. 2020. № 2 (193). https://open-school.kz/glavstr/data_sob/data_sob_193_1.htm

Таблица 1 - Сведения о количестве архивных материалов, находящихся на хранении в спецархивах МВД РК

Наименование органа	Фонд «Уголовные дела реабилитированных лиц» (ед.хр.)	Фонд «Уголовные дела не реабилитированных лиц» (ед.хр.)	Фонд «Фильтрационные и трофейные материалы на бывших военнопленных» (ед.хр.)	Общее количество единиц хранения
ДП Акмолинской области	429	5 662	1 308	7 399
ДП Актюбинской области	617	9 936	2 520	13 073
ДП г.Алматы	1 930	2 158	3 612	7 700
ДП Алматинской области	2 034	5 263	1 091	8 388
ДП Атырауской области	341	2 869	1 250	4 460
ДП Восточно-Казахстанской области	2 349	17 402	4 316	24 067
ДП Жамбылской области	277	5 428	2 115	7 820
ДП Западно-Казахстанской области	566	7 177	851	8 594
ДП Карагандинской области	1 155	9 074	1 516	11 745
ДП Кызылординской области	502	5 012	544	6 058
ДП Костанайской области	821	6 907	2 636	10 364
ДП Мангистауской области	41	520	612	1 173
ДП Павлодарской области	309	4 976	817	6 102
ДП Северо-Казахстанской области	587	6 643	2 175	9 405
ДП г.Шымкент	563	8 164	8 504	17 231
МВД РК г. Нур-Султан	666	6 216	2 572	9 454
Итого:	13 187	122 836	36 439	172 462

В специальном государственном архиве КНБ архивного фонда касательно политических репрессий не имеется. В 2014 году согласно запросу, из КНБ РК в МВД РК была осуществлена передача «Архивных уголовных дел на лиц, не подлежащих реабилитации» (666 ед.хр. и 595 карточек), «Архивных уголовных дел на реабилитированных лиц» (6216 ед.хр. и 5363 карточек), «Фильтрационных трофейных материалов на бывших военнопленных» (2572 ед.хр. и 4756 карточек).

В то же время, хранятся материалы советского периода: контрразведывательные дела и дела конфиденциальных помощников (26100 ед.хр.), переписка органов безопасности (16594 ед.хр.), нормативные правовые акты и распорядительные документы (1475 ед. хр.), в которых проводятся поиски материалов и документов, связанных с политическими репрессиями казахстанцев.

В соответствии с Указом Президента РК от 24 ноября 2020 г. №456 «О государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических

репрессий» рабочей группой по изучению, подготовке заключения и рекомендаций по реабилитации военнопленных казахстанцев, оказавшихся в 1939-1945 годах в плену фашистской Германии и оккупированных странах, проводилась работа по следующим направлениям:

1. Для создания единой республиканской базы данных со списками казахстанцев – военнопленных были привлечены все областные государственные архивы, департаменты Министерства обороны, разосланы письма в военные комиссариаты через Министерство обороны (списки прилагаются, работа продолжается). Параллельно велась работа по выявлению научной литературы. Во время Великой Отечественной войны многие погибшие и попавшие в плен, особенно в первые месяцы боевых действий, развернувшихся на территории Советского Союза, были признаны пропавшими без вести. По данным Министерства обороны СССР без вести пропали 271 503 казахстанца. В Республике не было единой базы, учитывающей казахстанцев – военнослужащих Красной армии, захваченных фашистами в плен. В связи с этим в первую очередь необходимо было начать формировать информационно-поисковую базу данных.

В начале был изучен опыт создания таких базы данных, как «Мемориал», разрабатываемый с 2003 г.; БД Объединения Саксонские Мемориалы, в частности работы научно-исследовательского учреждения Объединения Саксонские мемориалы – Центр документации и мемориала Эренхайн Цайтхайн. Были направлены письма во все областные военкоматы и областные архивы Казахстана. Проводилась работа в Специальном архиве ДВД МВД РК, где в фонде № 10 «Фильтрационные и трофейные материалы на бывших военнопленных» хранятся карточки военнопленных-казахстанцев, которые проходили через фильтрационные лагеря после освобождения. Члены Рабочей группы работали также и с сайтами государственных и общественных организаций постсоветских стран. Были изучены также материалы личного архива Мустафы Шокая, списки военнопленных, полученные из архива Финляндии. В составлении списка большую помощь оказывал коллектив Архива Президента РК. В итоге был составлен список 36 019 военнопленных-казахстанцев в виде таблицы с занесением основных сведений.

2. В Министерстве обороны РК создана консультативно-совещательная группа по вопросам реабилитации жертв политических репрессий военнопленных-казахстанцев, оказавшихся в плену в годы Второй мировой войны 1939-1945 годов (приказ МО РК от 25 февраля 2021 года № 106).

Членами консультативно-совещательной группы Министерства обороны в 2021 году собраны сведения по составлению тематического перечня-указателя (путеводителя) документов и архивных материалов за период с 20-го по 50-е годы XX века, состоящих на хранении в военных комиссариатах на территории Казахстана, с указанием наименований дел и датами, для дальнейшей деятельности членов рабочих групп Государственной комиссии. Проведена работа по обобщению, систематизации и приведению к единому

формату excel всех сведений, представленных МОВУ – на 3560 военнопленных-казахстанцев.

3. В результате международного сотрудничества и переписки с иностранными ведомствами, из зарубежных источников получены сведения на 1334 воина-казахстанца из них: Норвегии – 56; Финляндии - 268; Польши – 56; Российская Федерация – 957 человек.

В период с 26 сентября по 6 октября 2021 года, в реализацию Посольством Республики Казахстан на Украине системного историко-архивного и поискового проекта для выявления исторического казахстанского следа на Украине, члены рабочей группы участвовали в комплексной историко-архивной экспедиции, для архивной работы по изучению материалов военнопленных казахстанцев, оказавшихся в 1939-1945 гг. в плену фашистской Германии, Финляндии и других европейских странах.

Изучение опыта Украины по реабилитации жертв тоталитарного режима, рассекречиванию архивов и введению в научный оборот ранее закрытых документов, представляет значительный интерес. В отличие от других стран СНГ, такая работа в Украине была проведена еще в самом начале 1990-х гг. Поэтому изучение методологии проведенной украинскими архивами работы, анализ принятых нормативно-правовых актов, а также выявление ранее неизвестных, в большей части закрытых в других странах СНГ архивных документов, отвечает задачам Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане.

Работа была построена на поиске и изучении архивных документов по теме, дополнении имеющегося списка нормативно-правовых актов Советского Союза, связанных с массовыми репрессиями и ущемлениями прав граждан СССР, изучении научной и архивной литературы, выпущенной в Украине за последние годы.

Основная работа была сконцентрирована в двух архивах: Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, Центральном государственном архиве службы безопасности Украины.

Внимание было уделено выявлению казахстанцев, данные о которых не вошли в общеизвестные базы данных (т.ч. «Память народа», «Саксонский мемориал»). Попавшие в плен и бежавшие, зачастую попадали в партизанские отряды. Сведения о таких казахстанцах, являются новыми, они не учтены в республиканской базы данных «TUTKYN.kz». Между тем, как показала работа с документами 27 архивных фондов, во многих партизанских отрядах числились казахстанцы, ранее бывшие в плену или вышедшие из окружения (учитывая военное время, с большой вероятностью можно сделать заключение, что таковые также попадали в немецкий плен). В архивах Украины найдены важные сведения, касающиеся пребывания военнопленных казахстанцев в лагерях на территории Англии в период с 1944 по 1946 г.. Согласно архивным данным СГА СБУ, с момента высадки англо-американских войск в Нормандии (июнь 1944 г.) освобождавшиеся ими из немецкого плена советские граждане, оказавшиеся на территории

Германии, Франции, Италии и других государств, направлялись на территорию Англии. К концу войны осталось в живых около 5 млн советских граждан, оказавшихся за пределами родины, из них свыше 3 млн находились в зоне действия союзников (Западная Германия, Франция, Италия и др.)¹⁴⁹. В лагерях содержались военнопленные различных национальностей (в том числе казахи), вывезенные в Англию с континента. Значительная часть военнопленных была вывезена в Англию и до репатриации на родину содержалась в пересыльно-распределительных и фильтрационных лагерях, лагерях общего типа, специальных и транзитных лагерях в период с 1944 по 1946 г.

Многочисленные факты свидетельствуют, что подавляющее большинство наших соотечественников в немецком плену вело себя достойно. Многие из них пробилась через линию фронта к советским войскам. Некоторая часть из них бежали и сражались с врагом в партизанских отрядах, в формированиях движения Сопротивления на территории европейских государств.

4. По итогам проведенной работы рабочей группой изданы три томов уникальных сборников архивных документов в серии «Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий. 20-50 годы XX века»: Первая из них - «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны Документы и материалы». Издание представляет собой сборник архивных документов и материалов, в том числе недавно рассекреченных, раскрывающих историю военнопленных в годы Второй мировой войны. Некоторые архивные документы и материалы, вошедшие в настоящее издание, ранее не публиковались и вводятся в научный оборот впервые. В следующей книге «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны. Северо-Казахстанская область» были опубликованы сведения 4755 уроженцев Северо-Казахстанской области, прошедших немецкие лагеря или погибших там. Третья книга «Военнопленные-казахстанцы Второй мировой войны Акмолинская область» является первым изданием, посвященным судьбе военнопленных в годы Второй мировой войны, призванных или проживающих после освобождения на территории Акмолинской области и города Акмолинск. Биографические данные составлены на основе архивных документов военного и послевоенного времени составили 4505 человек. В книгу вошли архивные материалы Центрального архива МО РФ, Специального государственного архива МВД РК. Исследовательская группа работала с документами фонда №10 «Фильтрационные и трофейные материалы бывших военнопленных», хронологические рамки – 1942–1956 гг. Проверочно-фильтрационные дела (ПФД) на сегодняшний день слабо изученный вид документального источника в Казахстане. Данные материалы представляют собой одну из

¹⁴⁹ Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. / В.Н. Земсков; Институт российской истории Российской академии наук. – М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 424 с.

важных групп архивных документов, содержащих основные сведения о судьбе военнопленного: автобиографии и объяснительные записки об обстоятельствах пленения и нахождении в плену; протоколы допросов бывших военнопленных, составленные в отделах контрразведки «Смерш» воинских частей или проверочно-фильтрационных лагерей; заключения проверочно-фильтрационных комиссий, выносившиеся по результатам госпроверки (об освобождении из лагеря, демобилизации; агентурные донесения о поведении и «образе мыслей» бывшего военнопленного после прохождения им фильтрации.

Изучение материалов дает представление об обстоятельствах пленения, условиях содержания и использования труда военнопленных в немецких лагерях. Кроме того, можно проследить пути переброски военнопленных, сроки нахождения в лагерях, использование труда военнопленных на промышленных объектах немецких властей, предпринимаемые попытки вырваться из плена, побег, присоединение к партизанским отрядам и места прохождения государственной проверки в фильтрационных лагерях.

Установление общей численности казахстанских военнопленных сложно, так как до сих пор окончательно не определена общая численность советских военнослужащих, попавших в плен в 1939-1945 гг. Однако после обработки и анализа материалов центральных и областных и городских архивов КНБ и МВД нами были определены следующие статистические данные:

1. Общая численность мобилизованных в ряды Красной Армии в 1939-1945 гг.: 1087663 – по книге памяти, опубликованной в 1995 году, 854316 – по данным, собранным членами Рабочей группы в архивных фондах.

2. 337720 военнослужащих-казахстанцев числятся как пропавшие без вести.

3. Выявлены сведения о 65755 казахстанских военнослужащих, попавших в плен в 1939-1945 гг.

4. 4082 военнослужащих–казахстанцев погибли в плену.

5. 2195 военнопленных–казахстанцев служили в различных воинских частях, созданных немцами в 1941-1945 гг.

6. 4308 военнопленных-казахстанцев были освобождены из плена и направлены на работу в промышленных предприятиях.

7. Общая численность репрессированных военнопленных – 17301 чел.

Изучение материалов спецархивов еще продолжается, и в будущем статистические данные могут быть дополнены новыми сведениями.

Категории и подкатегории военнопленных-казахстанцев, подвергнутых преследованию по политическим репрессиям

По предварительным итогам выявлены основные категории военнопленных. Первая, самая многочисленная категория – военнопленные, не служившие в воинских и других частях. Их рекомендуется делить на две

группы: а) группа военнопленных, которые не подверглись к репрессиям; б) репрессированные военнопленные.

На основе изучения документов выяснилось, что военнопленные, не служившие в воинских и других частях были осуждены в основном в 1948-1949 гг. на основе агентурной работы, доноса осведомителей. Затем все они были освобождены в результате объявления амнистии. Они получили свободу по амнистии, но в документах нет решений о реабилитации. 29 июня 1956 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 898-490 с «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». В постановлении было указано на незаконность необоснованность репрессии большого количества военнослужащих, честно выполнивших свой воинский долг и ничем не запятнавших себя в плену. Серьезным нарушением законности являлась также и практика разжалования без суда в рядовые офицеров, бывших в плену или окружении противника, и направления их в штурмовые батальоны. Было решено внести на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР вопрос о распространении действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., на бывших военнослужащих Советской Армии и Флота, осужденных за сдачу в плен противнику, отбывших или отбывающих наказание. 20 июня 1956 г. на заседании Президиума ЦК КПСС было принято секретное постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов семей». 18 сентября 1956 г. были даны разъяснения Президиума Верховного Совета СССР о применении этого указа к бывшим военнопленным. Однако здесь речь шла не о реабилитации, а об освобождении осужденных бывших военнопленных по амнистии. Советские люди, побывавшие в немецком плену, многие годы считались подозрительными элементами, их исключили из партии, по малейшему поводу увольняли с работы, их не причисляли к участникам войны.

В Российской Федерации усилиями политических деятелей и ученых вопрос о военнопленных был пересмотрен. Председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий А.Н. Яковлев обратился к президенту РФ Б.Н. Ельцину о восстановлении исторической справедливости в отношении бывших советских военнопленных и депортированных граждан, оказавшихся в годы войны в фашистских лагерях. Президент РФ 24 января 1995 года подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период». Однако на бывших военнопленных-казахстанцев не распространяется действие Указа Президента РФ, так как они не являются гражданами РФ.

Реабилитация военнопленных этой категории заключается в

восстановлении гражданских прав и возвращении статуса ветерана войны, временно пребывавшего в плену у противника.

В результате изучения и анализа материалов центральных и областных и городских архивов КНБ и МВД нами были определены следующие статистические данные:

1. Общая численность мобилизованных в ряды Красной Армии в 1939-1945 гг.: 1087663 – по книге памяти, опубликованной в 1995 году, 854316 – по данным, собранным членами Рабочей группы в архивных фондах.

2. 337720 военнослужащих-казахстанцев числятся как пропавшие без вести.

3. Выявлены сведения о 65755 казахстанских военнослужащих, попавших в плен в 1939-1945 гг.

4. 4082 военнослужащих-казахстанцев погибли в плену.

5. 2195 военнопленных-казахстанцев служили в различных воинских частях, созданных немцами в 1941-1945 гг.

6. 1596 военнопленных относятся к категории «хиви».

6. 4308 военнопленных-казахстанцев были освобождены из плена и направлены на работу в промышленных предприятиях.

7. Общая численность репрессированных военнопленных – 17301 чел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война как столкновение материальных и моральных сил осуществляется не только материальными средствами, но в ней используются также и людские ресурсы, поэтому в период войны сталкиваются разные политические, идеологические и духовные ценности. Защита какого из них становится приоритетной целью государства-участника войны определяется содержанием его внутренней политики, сложившимся соотношением между тремя факторами. Первый из этих факторов связан с народом, второй – с военным руководством и армией, третий – с правительством. Причем моральный фактор, который играет важнейшую роль, не поддается логике расчета, а тем самым и предвидению. Сама же война является продолжением политики, но с применением вооруженных сил. Поэтому именно политика, обращаясь к военному методу достижения своих целей, должна вырабатывать стратегию войны. Однако с рождением нового детища XX века – тоталитарного государства произошли изменения и в роли политики в войне, приоритетным составляющим политики стал идеологический фактор. Это ярко проявилось именно в отношении тоталитарных государств к военнопленным. В период второй мировой войны военнопленные стали объектом испытания средств и методов идеологической борьбы между нацизмом и большевизмом. Эта борьба возникла от соперничества мировоззрений и идеологий двух тоталитарных политических течений, претендующих на универсальность. В тоталитарном обществе человек является объектом экспериментов уничтожения «идеологического противника», именно в этом заключается сходство принципов обращения с

военнопленными в нацистской Германии и СССР. Концентрированное выражение всех человеческих пороков и антиинтеллектуализм тоталитарных властей отражались в отношении к военнопленным.

Нацистская Германия и его союзники превратили военнопленных в инструмент демонстрации превосходства своей идеологии, бесчеловечно используя их в пропагандистских, политических и военных целях. Поэтому во время войны и нацистские, и советские военные ведомства и информационные службы преднамеренно давали ложные сведения об общем количестве советских и немецких военнопленных, о степени смертности среди военнопленных. В результате такого отношения к военнопленным до сих пор неизвестно точное количество попавших в плен и умерших в плену советских и немецких военнослужащих. Умершими в плену считаются только те, которые добрались до постоянных лагерей для военнопленных и умерли там. А многие из тех, кто был убит сразу же после взятия в плен или умер в пути, не брались в учет, и может быть до сих пор числятся без вести пропавшими. Использование военнопленных в тяжелых и опасных для здоровья работах также была частью испытанного метода принуждения к непосильному труду, применявшегося в СССР, где совершенно отсутствовал свободный рынок рабочей силы; это считалось естественным и законным явлением и никак не квалифицировалось как нарушение прав человека. Использование советских военнопленных в тяжелых и опасных для здоровья работах в нацистской Германии является нарушением норм международного права, так как Женевская конвенция 1929 года должна иметь силу даже в том случае, если одна из воюющих сторон не присоединилась к ней, но другая сторона подписала ее. Тем не менее нацисты не считали это нарушением норм международного права, они в обращении с советскими военнопленными сознательно не придерживались норм Женевской конвенции, потому что у них была запланирована совершенно другая политика относительно содержания советских военнопленных. Эта политика была связана именно антикоммунистической направленностью нацистской идеологии. Когда нейтральные страны и Международный Комитет Красного Креста старались содействовать достижению согласия между СССР и Германией об определении правового статуса военнопленных, нацистское правительство не только не предпринимало даже попыток выявить сферу совпадающих интересов в этом вопросе, а, наоборот, разжигали ненависть друг к другу. Одной из неизученных проблем истории мировых войн является роль религиозного фактора в психологическом противостоянии воюющих сторон. Традиционно внимание исследователей привлекало изучение национального фактора в мировых конфликтах. Германия в периоды противостояния с Россией и СССР использовала в своих целях и религиозные чувства военнопленных. Однако «забота» немецких властей о вероисповедании военнопленных как первой, так и второй мировой войны служила геополитическим интересам Германии.